РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 10/86
Октябрь

ISSN 0131—5994

ХАНОЙ. Национальную кампанию «Вопросы и ответы о мире» проводит в ознаменование Международного года мира вьетнамское антивоенное движение. Ее цель — активизировать общественные усилия в борьбе против угрозы атомной войны, против локальных войн, разжигаемых империализмом.

КИНГСТОН. Двадцать политических и общественных организаций граждан Ямайки объединили свои усилия в проведении Международного года мира. Была устроена выставка «Ради жизни на Земле», ярмарка в Фонд мира. Посетители выставки подписали петицию, призывающую покончить с ядерными испытаниями и гонкой вооружений. Участники антивоенного движения Ямайки обратились к правительству республики с требованием отказаться от участия в военных маневрах, проводимых совместно с США, отстаивать право карибских стран быть зоной мира.

ЛИССАБОН. В Португалии проходит национальная кампания по сбору средств на Дом мира. Недавно правительство республики издало распоряжение, согласно которому Национальный совет мира должен освободить здание, занимаемое им после революции апреля 1974 года. В ответ студенты университета и лицеев вместе с другими антивоенными группами организовали ярмарку и собранные средства передали на Дом мира. Кампания сбора средств продолжается.

КЁЛЬН. Слово «мир» на трех языках — немецком, английском, русском — сияло разноцветными огнями над Кёльном в дни, когда в ФРГ проходил конгресс движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» (снимок справа). Во время конгресса был показан фильм «Что советские дети говорят о ядерной войне», снятый в Советском Союзе участниками движения Э. Чивианом и Р. Шоу, а также фильм «Учащиеся говорят о ядерной войне», сделанный членами антивоенных организаций штата Массачусетс в США. Оба эти фильма неоднократно демонстрировались и в США. Движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» считает, что более глубокое знание американцами жизни советских людей позволит развеять мифы о воинственности СССР, насаждаемые милитаристской пропагандой.

МЕЛЬБУРН. Когда иностранец приезжает в Австралию, его предупреждают: «В Аделаиде главное, какую



религию вы исповедуете, в Сиднее — сколько имеете денег, в Мельбурне — какую школу или университет закончили». В день, когда проходила демонстрация (на снимке внизу слева), все эти различия были отброшены в сторону. Австралийские газеты считают, что это была самая многолюдная манифестация в истории Австралии вообще и в истории ее антивоенного движения в частности. «Поддерживаем советские мирные предложения!», «Нет места ядерному оружию в космосе!», «Тихий океан — безъядерная зона!» — эти лозунги плыли над бескрайней массой людей, приехавших со всех штатов Австралии, чтобы высказать свою волю — сохранить жизнь на Земле.



■ **НЬЮ-ЙОРК.** «В Соединенных Штатах все больше людей начинают понимать, что противники мира сидят в Белом доме, а не в Кремле. И мы расцениваем это как очень важный сдвиг в сознании нашего народа»,— сказал член Политбюро ЦК Коммунистической партии США Л. Дискин. В интервью чехословацкому журналу «Свет в образех» он рассказал, что в США в настоящее время возникают мирные организации на уровне городов, которые завязывают дружеские отношения с советскими городами. Появились антивоенные объединения молодежи, церквей, женщин, школьников и многие другие. «Мы считаем важным,— сказал Л. Дискин,— что идет процесс политизации антивоенного движения. Люди на собственном опыте почувствовали, что падение уровня жизни трудящихся, то есть каждого из них, напрямую связано с гонкой вооружений. Американцы осознали, что политика «неоглобализма», сотрудничество правительства Рейгана с режимом апартеида в ЮАР, постоянные угрозы Никарагуа опасны тем, что ставят мир на порог войны и в то же время лишают трудящихся социальных завоеваний, добытых в тяжелой борьбе. Сейчас главная тенденция в антивоенном движении — отстоять мир и защитить демократические принципы в нашей стране». На снимке: манифестация в защиту мира в Нью-Йорке.

■ **ПАРИЖ.** «Встреча друзей мира в воскресенье в 10.30 на площади Нации» — такие плакаты, написанные от руки и напечатанные в типографии, в одну из недель лета наводнили весь Париж. В Венсенском лесу состоялся фестиваль мира. В нем приняли участие рабочие, служащие, студенты, лицеисты, школьники. Люди разного возраста и разных политических взглядов. Объединяло их одно стремление — покончить с гонкой вооружений, остановить опасные планы милитаризации космоса, вынашиваемые правительством США, освободить всех живущих на Земле от угрозы ядерного кошмара. Во время фестиваля на импровизированных эстрадах выступали знаменитые артисты, ансамбли джазовой и рок-музыки, популярные исполнители, в том числе из ГДР, Голландии и Испании.

■ **ГААГА.** Международный суд ООН большинством голосов вынес вердикт о признании США виновными в поддержке агрессии против Никарагуа и, следовательно, в нарушении международного права. Против этого решения проголосовали США, Британия и Япония. Международный суд ООН признал Соединенные Штаты виновными в том, что они вооружают, тренируют и финансируют силы мятежников против законного правительства Никарагуа; поощряют прямое военное вмешательство и тайную войну против Никарагуа; участвуют в нападениях с воздуха и минировании никарагуанских портов и других объектов.

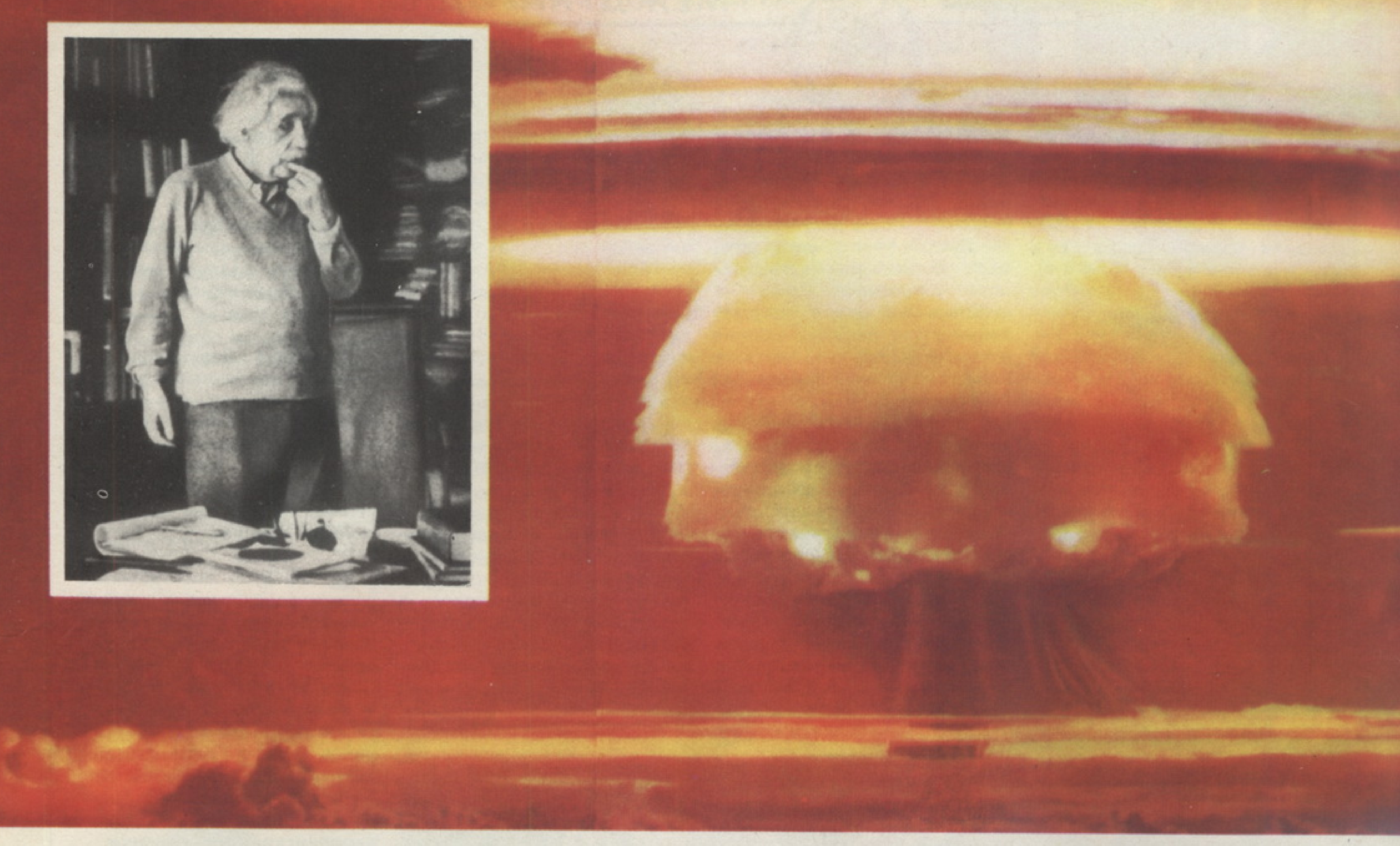
■ **БРАЗИЛИА.** Бразилия выступила с предложением создать зону мира в Южной Атлантике. В письме в Организацию Объединенных Наций говорится, что независимость Намибии и ликвидация режима апартеида в ЮАР есть главное условие мира и безопасности в Южной Атлантике.

■ **ПРАГА.** Всемирная федерация профсоюзов провела месячник солидарности с борьбой корейского народа за вывод с территории Южной Кореи американских войск, за воссоединение страны на мирной демократической основе.

■ **АФИНЫ.** Антивоенные организации Греции провели национальную конференцию, которая выразила волю греческого народа превратить Средиземноморье и Балканы в зону мира. Конференция также призвала всех сторонников мира в Греции сосредоточить усилия, чтобы добиться ликвидации иностранных военных баз на родине европейской цивилизации.

■ **ЛОНДОН.** Крупнейшая за последние годы демонстрация под лозунгом «Санкции против апартеида!» прошла в столице Британии. На улицах и в парках Лондона состоялись концерты участников движения «Артисты против апартеида». «Самые знаменитые рок-группы, в том числе и Билли Брегг,— писала газета «Морнинг стар»,— дали в течение этого дня по нескольку бесплатных концертов». Одновременно в Глазго состоялся фестиваль под лозунгом «За мир и свободу!». Его участники выразили солидарность и поддержку Африканскому национальному конгрессу Южной Африки, борющемуся против апартеида.

■ **КОПЕНГАГЕН.** 15—19 октября в столице Дании проходит Всемирный конгресс, посвященный Международному году мира. В нем принимают участие делегаты более чем из 100 стран, представители самых разных политических и общественных организаций. Миролюбивые инициативы Советского Союза в центре внимания этого крупного международного форума.



«ПОТОМ БУДЕТ ПОЗДНО»

Из статьи в японском журнале «Кайдзо», сентябрь 1952 года. ...Покуда народы не найдут в себе решимости совместными действиями запретить войну и решать спорные вопросы, защищая свои интересы лишь мирными юридическими средствами, они не избавятся от чувства, что вынуждены готовиться к войне, вынуждены создавать всевозможные средства ведения войны, даже самые неприглядные, только бы не отстать в общей гонке вооружений. Этот путь обязательно ведет к войне — войне, которая в современных условиях означала бы всемирное уничтожение.

Из речи в Карнеги-Холл 27 апреля 1948 года. За время своей долгой жизни я получил от моих сограждан гораздо большее признание, чем заслуживаю, и сознаюсь, что всегда в подобных случаях испытывал больше стыда, нежели удовольствия. Но никогда еще, ни на одной из церемоний, боль не была такой острой, а удовольствие столь мизерным. Ведь все мы, кто добивается мира, торжества здравого смысла и справедливости, ясно видим, сколь малое влияние оказывает здравый смысл сегодня на развитие событий на политической арене. Но как бы то ни было и какая бы судьба ни была нам уготована, по крайней мере мы уверены в том, что без безустанных усилий тех, кто беспокоится о благе всего человечества, наши шансы на будущее будут еще хуже, чем даже теперь.

В этой ситуации, требующей принятия решений, от которых зависит дальнейшая судьба человечества, прежде всего мы должны, как я думаю, заявить своим согражданам следующее: когда вера во всемогущество физической силы определяет политическую жизнь, эта сила начинает жить собственной жизнью и оказывается могущественнее тех людей, которые хотели бы использовать ее как инструмент. Планируемая милитаризация нации (американской.— Ред.) не только угрожает нам скорой войной, но и, пусть медленно, но верно, разрушает демократические свободы и гордость человека в нашей стране. Тот довод, что вооружаться нас заставляют события, происходящие за рубежом, не верен, и мы должны всеми силами опровергнуть его. В действительности именно наше довооружение определит реакцию других наций, вызвав которую поборники довооружения будут оправдывать ею свои предложения по дальнейшему наращиванию вооружений.

Из речи на приеме в отеле «Астор» (Нью-Йорк) 10 декабря 1945 года. Положение, в котором находятся физики, сродни тому, в котором оказался Альфред Нобель. Альфред Нобель изобрел самое сильное взрывчатое вещество своего времени, отличное средство разрушения. Искупая вину, из человеческого чувства совести он учредил свои премии за деятельность и достижения на благо мира. Сегодня физики, участвовавшие в создании самого грозного и самого опасного оружия всех времен, испытывают подобное чувство ответственности, если не сказать — вины. Снова и снова мы не можем не предостерегать, не можем и не должны ослаблять наших усилий, объясняя нациям мира, особенно их правительствам, какая невообразимая катастрофа неминуемо произойдет, если не изменятся их отношения друг к другу и к той ответственности, которую они несут за будущее. Мы помогали создавать новое оружие в стремлении не дать врагам челове-

Доядерное мышление в сущности потеряло свое значение 6 августа 1945 года. Сегодня нельзя обеспечить собственную безопасность без учета безопасности других государств и народов. Не может быть подлинной безопасности, если она неодинаково равная и всеобъемлющая. Думать иначе, значит пребывать в мире иллюзий, в мире самообмана.

Из Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по советскому телевидению 18 августа 1986 года



(Выдержки из обращений к общественности, речей, статей и книг выдающегося физика XX века, создателя теории относительности, активного борца против фашизма, войны и ядерной угрозы, почетного члена Академии наук СССР Альберта ЭЙНШТЕЙНА)

чества создать его раньше нас (имеются в виду попытки фашистской Германии создать атомное оружие.— Ред.), последнее, учитывая психологию нацистов, означало бы немыслимые разрушения и порабощение остальной части мира. Мы вручили это оружие в руки американского и английского народов как посредникам всего человечества в борьбе за мир и свободу. Но мы по-прежнему не получили никаких гарантий мира, мы не получили никаких гарантий гражданских свобод, которые были обещаны нациям Уставом ООН. Война окончена, но мир не наступил...

Картина послевоенного мира не вызывает оптимизма, по крайней мере у нас, физиков. Мы не политики и вмешиваться в политику вовсе не хотели. Но мы кое-что знаем из того, чего не знают политики, и мы считаем своим долгом заявлять и напоминать этим ответственным лицам, что от решения не уйти; времени на мелочную торговлю нет. Ситуация призывает к мужественным действиям, направленным на радикальные изменения всех наших взглядов, всех политических концепций. Хотелось бы, чтобы те стремления, которые сподвигнули Альфреда Нобеля к созданию своего великого учреждения,— стремление к доверию, щедрости и братству между людьми,— возобладали в умах тех, от чьих решений зависит наша судьба. В противном случае человеческая цивилизация обречена.

Из книги «Мир, каким я его вижу», 1949 год. Истинно великие люди прошлых поколений признавали важность сохранения мира между народами. Но с техническими достижениями нашего времени это этическое умозаключение превратилось в вопрос жизни и смерти современного цивилизованного человечества, а активное участие в решении вопроса о мире стало моральным долгом, уйти от которого не имеет права ни один сознательный человек.

Важно иметь в виду, что могущественные промышленные группировки, заинтересованные в производстве оружия, всячески препятствуют мирному разрешению международных споров...

Из обращения к Всемирному конгрессу деятелей культуры в защиту мира, Вроцлав, 1948 год. Сегодня мы, интеллигенты, ученые многих национальностей, встретились, потому что нас соединяло чувство глубокой ответственности перед возложенной на нас исторической миссией. Мы благодарим французских и польских коллег, по чьей инициативе мы собрались здесь решить насущную задачу: как использовать влияние мудрых людей на обеспечение мира и безопасности во всем мире. Этой проблеме много веков. Одним из первых пытался ее решить Платон, предложив применять здравый смысл и расчет, а не идти на поводу у атавистических инстинктов и эмоций при решении проблем человека.

На мучительном опыте мы познали, что рационального мышления недостаточно, чтобы разрешить проблемы нашей социальной жизни. Глубокие исследования и смелые научные теории часто оборачивались трагическими последствиями для человечества. С одной стороны, появившиеся изобретения и открытия освободили человека от изнурительного физического труда, сделали его жизнь легче и богаче, но, с другой стороны, внесли в жизнь человека неуверенность, сделав его рабом созданного им технологического окружения, и — что самое катастрофическое — создали средства для его собственного массового уничтожения. Это уже трагедия величайшего масштаба!

Мы, ученые, чье трагическое назначение свелось к тому, что с нашей помощью средства массового уничтожения стали более отвратительными и более эффективными, должны признать нашей священной и важнейшей обязанностью делать все, что в наших силах, чтобы помешать использованию этих видов оружия в тех целях, для которых они предназначены.

Какая другая задача могла бы быть важнее для нас? Какая другая социальная цель была бы ближе нашим сердцам? Вот почему так насущна работа этого конгресса. Мы собрались здесь, чтобы посоветоваться. Мы должны построить духовные и научные мосты, которые соединят нации всего мира.

...Мы должны революционизировать наше мышление, революционизировать отношения между нациями всего мира. Вчерашние клише, непригодные сегодня, естественно, безнадежно устареют завтра. Донести все это до людей во всем мире — вот самое важное и необходимое дело из всех, выпадавших на долю интеллигенции. Найдет ли она в себе достаточно мужества выйти за свои национальные рамки в той мере, насколько необходимо, чтобы убедить народы мира изменить свои давние традиции в самом революционном смысле... Хочется надеяться, что запрет на существующую анархию в международных отношениях будет установлен до, а не после мировой катастрофы, последствия которой никто из нас не может даже представить. Времени осталось слишком мало. Мы должны действовать сейчас, потом будет поздно.

Из книги «Из моих зрелых лет», 1947 год. Каждый понимает, что общество людей, сведенное в единую общность общей судьбой, оказалось в тяжелой и угрожающей ситуации, но лишь немногие действуют так, как того требуют обстоятельства. Большинство продолжают жить повседневной жизнью: отчасти напуганные и отчасти безразличные, они наблюдают мрачную трагикомедию, которая разыгрывается перед ними и всеми на международной арене. Но на этой арене, где в свете юпитеров актеры выполняют заготовленные роли, решается судьба завтрашнего дня, вопрос жизни и смерти наций.

Все было бы иначе, если бы проблема не являлась, как атомная бомба и другие средства массового уничтожения, делом рук самого человека. Все было бы иначе, если бы, например, эпидемия бубонной чумы угрожала всему миру. В этом случае сознательные и знающие люди из разных стран собрались бы вместе, чтобы выработать разумный план совместной борьбы с чумой... И разве нельзя сравнить сегодняшнюю ситуацию с той, когда миру угрожает эпидемия? Но люди не видят ситуацию в ее истинном свете, их глаза ослеплены эгоизмом. Всеобщий страх и беспокойство порождают ненависть и агрессивность. Подчинение

всех действий военной цели развращает психику человека, в результате разумное, объективное человеческое мышление почти не принимается в расчет и даже попадает под подозрение и преследуется как антипатриотическое.

Мы, ученые, считаем: от того, что мы сможем или не сможем сделать в ближайшие годы, зависит судьба нашей цивилизации. Мы намерены безустанно разъяснять правду, чтобы люди осознали, что на карту поставлено все. Мы стремимся не к умиротворению, а к установлению взаимопонимания и заключению соглашений между правительствами различных политических воззрений.

Из статьи в журнале «Америкэн сколар», 1947 год. Как мне думается, суть нынешней ситуации заключается в том, что проблему, стоящую перед нами, нельзя рассматривать изолированно. Прежде всего можно задать вопрос: в настоящее время, когда научные и учебные заведения страны все больше зависят от государственных дотаций, так как частных поступлений по различным причинам не хватает, разумно ли доверять средства, отданные на эти цели налогоплательщиками, военным? Любой рассудительный человек, конечно, ответит: «Нет!»

Тенденции, о которых мы упомянули,— нечто новое для Америки. Они появляются под влиянием двух мировых войн, и как следствие концентрации всех сил на военные нужды развивается милитаристская психика. Характерная черта этой психики заключается в том, что люди превыше других факторов, влияющих на отношения между народами, почитают «голую силу», как эффектно окрестил ее Бертран Рассел[1]. В частности, немцы, введенные в заблуждение военными успехами Бисмарка, пережили именно такую трансформацию в своей психике, вследствие чего менее чем через сто лет они пришли к полному краху.

Честно признаюсь, что послевоенная внешняя политика США напоминает мне, часто помимо моей воли, поведение Германии при кайзере Вильгельме II[2], и я знаю, что независимо от меня эту аналогию с болью отмечают и другие. Милитаристской психике присуще считать внечеловеческие факторы (атомные бомбы, стратегические военные базы, оружие всех видов, наличие сырья для его производства и так далее) существенными, а самого человека, его желания и мысли, то есть психологические факторы, неважными и второстепенными... Индивид низводится до простого инструмента, становится «человеческой материальной частью». При таком подходе естественные цели человеческих устремлений отбрасываются. Вместо этого милитаристская психика возводит «голую силу» в самоцель — такова одна из самых страшных и самых губительных иллюзий, созданных человеком.

Сегодня милитаристская психика гораздо более опасна, чем прежде. В результате — всеобщая незащищенность, достигнутая за счет попрания демократических прав граждан во имя мнимого благополучия государства. Политическая «охота на ведьм», контроль всех видов (цензура учебных программ, научных исследований, прессы и так далее) преподносятся как неизбежность и по этой причине не встречают массового отпора, хотя, если бы люди не были в плену милитаристской психики, они могли бы защитить свои права. Постепенно происходит переоценка ценностей, и все, что не отвечает утопическим целям милитаризма буквально, считается и третируется как враждебное. Я не вижу другого выхода из создавшегося положения, кроме осуществления проницательной, честной и мужественной политики, направленной на создание международной системы безопасности. Будем надеяться, что найдется достаточно много людей, обладающих моральной силой повести за собой нацию по этому пути. Тогда проблемы, подобные тем, какие мы сейчас обсуждаем, перестанут существовать.

Из книги «Мир, каким я его вижу». Я считаю себя счастливым: мне довелось увидеть такую огромную мирную демонстрацию фламандцев — и чувствую необходимость обратиться ко всем ее участникам от имени всех людей доброй воли, обеспокоенных за будущее: «В этот час, когда раскрываются глаза и пробуждается сознание, мы ощущаем нашу теснейшую с вами связь».

Мы должны прямо сказать себе, что без суровой борьбы ждать улучшения в нынешней удручающей ситуации не приходится, так как горстка тех, кто действительно полон решимости что-то сделать,— все равно что капля в море равнодушных и оболваненных. А те, кто заинтересован в движении машины войны, чрезвычайно могущественны и пойдут на все, только бы подчинить общественное мнение своим смертоносным замыслам.

...Необходимо пробудить сознание и здравый смысл народов, чтобы достичь новой ступени в жизни наций, откуда, оглядываясь назад, люди смотрели бы на войну как на необъяснимое слабоумие своих предков.

Из выступления в телепередаче, посвященной вопросу создания водородной бомбы, февраль 1950 года. При нынешнем уровне военной техники идея достижения безопасности за счет вооружения нации — катастрофическая иллюзия. В США эту иллюзию особенно подогрел тот факт, что именно нашей стране первой удалось создать атомную бомбу. И теперь считается, что в итоге достижение убедительного военного превосходства возможно. Потенциальный противник будет устрашен, и безопасность, которой мы все так страстно желаем, наступит для нас и для всего человечества. Вот в нескольких словах то, к чему мы стремимся последние пять лет: любой ценой достигнуть превосходства своей военной мощи.

Этот механический подход к проблеме на военно-техническом и психологическом уровнях имеет свои неотвратимые последствия. Любой акт внешней политики диктуется исключительно одним соображением: как следует поступить, чтобы достигнуть полного превосходства над противником на случай войны? Создать военные базы во всех доступных стратегически важных точках земного шара. Вооружить и экономически укрепить потенциальных союзников. Внутри страны сконцентрировать огромную финансовую мощь в руках военных, милитаризировать молодежь, ужесточить контроль разрастающегося с каждым днем полицейского аппарата за лояльностью граждан, особенно государственных служащих. Устрашать людей с независимыми политическими взглядами. Искусно обрабатывать общественное мнение с помощью радио, прессы и школ. Усилить цензуру на общественную информацию в интересах военной секретности.

Гонка вооружений, первоначально преподносившаяся как превентивная мера, принимает истерический характер. За стенами секретности в лихорадочной спешке совершенствуется оружие массового уничтожения. Водородная бомба обозначилась на общественном горизонте как, возможно, достижимая цель. Об ускорении работ по ее созданию торжественно объявляется президентом. В случае удачи уровень радиоактивного заражения атмосферы и соответственно уничтожения всякой жизни на Земле достигнет небывалых масштабов. Кошмарность этого процесса в его мнимой неизбежности. Каждый шаг, кажется, неотвратимо вызван предыдущим. В конце пути, и это видится все яснее и яснее, ждет всеобщее уничтожение.

...Достичь мира невозможно, покуда каждое действие осуществляется в расчете на будущую войну. Определяющей же точкой зрения любой политической акции должна быть следующая: что мы можем сделать, чтобы достичь мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества наций? Главная проблема — покончить с взаимными страхом и недоверием. Торжественный отказ от применения силы (не только средств массового уничтожения, но и обычных вооружений) в международных отношениях, без сомнения, необходим...

---

[1] Бертран Рассел (1872 — 1970) — английский ученый и общественный деятель, антифашист, выступал за запрещение ядерного оружия.— Здесь и далее примеч. ред.

[2] Вильгельм II (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 годах, проводил агрессивную политику, способствовал развязыванию первой мировой войны. Свергнут революцией 9 ноября 1918 года в Германии.



РОМАН УЖАСОВ

Заметки о процессе над мафией в Палермо

Жан НОЛИ,
французский журналист

Действие происходит в здании суда города Палермо, в комнате с серыми, потрескавшимися стенами. Сальваторе Конторно — «крестный отец» сицилийской мафии — молчит уже несколько минут. Время от времени он поднимает глаза и пристально всматривается в бесстрастное лицо следователя Джованни Фальконе, который приказал его арестовать, а теперь пытается склонить к «раскаянию».

— Подумай,— советует он допрашиваемому,— мафия угрожает твоим родным, чтобы принудить тебя к молчанию. Но ты прекрасно знаешь, даже если ты будешь молчать, это не спасет твоих родных, они все равно будут в опасности. Томмазо Бушетта пережил в свое время такую же драму. «Коза ностра» обещала ему милосердие, если он будет молчать. Он и молчал. Однако мафия прикончила его брата, зятя и двух двоюродных братьев. Тогда Бушетта заговорил. Ну как ты можешь верить убийцам?!

Сальваторе Конторно ничего не отвечает. Он поглядывает искоса на секретаря, который устроился у пишущей машинки и готов записывать его показания, если таковые последуют. Босс мафии, арестованный карабинерами в декабре 1984 года, колеблется. Он знает, что, если он «расколется», его признания наряду с признаниями Бушетты нанесут сокрушительный удар «почтенному обществу», одним из руководителей которого он был.

Следователь закуривает сигарету. Один из его 36 телохранителей приносит ему чашку кофе. Фальконе пытается сохранять спокойствие. Однако вздувшаяся на виске жилка выдает крайнее напряжение. Следователь знает, что этот заключенный — неистощимый кладезь информации. Внезапно Сальваторе Конторно поднимает голову и спрашивает:

— А что будет, если я откажусь сотрудничать?

— Тебя приговорят к максимальному сроку, а твоя семья по-прежнему останется в опасности.

— А если я стану сотрудничать?

— Тебе снизят срок, как положено «раскаявшимся». А твою семью будет день и ночь охранять полиция.

— Хорошо. Я буду сотрудничать...

Это происходило в начале 1985 года. Когда именно, следователи сообщать не хотят. Но тот день стал историческим в расследовании, которое итальянские судебные власти ведут против мафии. Если Бушетта знал абсолютно все о мафии в период с 1970 по 1982 год, Сальваторе Конторно знал все, что было после 1982 года. Он сообщил имена предпринимателей, банкиров, подрядчиков, высокопоставленных чиновников, которые казались выше подозрений, но при этом являлись членами мафии. Покатилась лавина разоблачений.

«Наконец-то они у нас в руках»,— с удовлетворением и облегчением вздыхает следователь. Ведь он уже начинал верить в истинность пословицы стариков сицилийцев: «Правосудие предполагает, а мафия располагает».

Более века это правило безраздельно властвовало не только над Сицилией, но и над всем Апеннинским полуостровом. «Почтенное общество» диктовало свой закон. И вот 10 февраля 1986 года в Палермо начался, как называют его сотрудники суда и полиции, «макси-процесс» над мафией,

направленный против засилья этой преступной организации. Он проходит в специально построенном для этого помещении: огромный, сооруженный из готовых элементов и оснащенный ультрасовременным оборудованием бункер стоимостью 41 миллиард (по старому курсу) лир. В нем устроены 23 отсека, где находятся 276 мафиози. Среди них горстка высокомерных «крестных отцов» и довольно много «раскаявшихся», в том числе знаменитый дон Томмазо Бушетта. Еще 200 преступников, схватить которых не удалось, проходят по делу заочно.

Суд начал свой юридический марафон в обширном зале с пуленепробиваемыми стеклами и звуконепроницаемыми стенами. Процесс, по прогнозам, продлится не менее года. Правосудие имеет дело с материалами следствия объемом в 40 томов и 8607 страниц. В прошлом в Палермо, Риме, Милане уже проходили сенсационные процессы, и около 700 мафиози были приговорены в общей сложности к 1000 годам тюремного заключения.

Но битва, которая развертывается сейчас в сицилийской столице, обретает особый размах. На сей раз речь идет уже не только о том, чтобы наказать членов мафии за преступления, похищения, подкуп должностных лиц, незаконный перевод капиталов, подпольную торговлю оружием, сигаретами, а главное, наркотиками. Судьи города Палермо впервые осмелились затронуть экономическую мощь мафии, о которой никто не подозревал еще несколько лет назад. Она была вскрыта благодаря тщательному и опасному расследованию, которое вели десятки сотрудников специального подразделения итальянской полиции, созданного в 1983 году.

Спрут, как прозвали мафию, распростер свои щупальца не только на Италию, но и на США, Канаду, Бразилию, Аргентину, Колумбию, Австралию, ФРГ, Англию, Швейцарию, Францию. «Суммы, которыми манипулирует мафия, просто потрясают,— говорит заместитель прокурора Вито Пальма.— Нам удалось установить, что сицилийская мафия продала американской в 1982 году наркотиков на миллиард долларов, а перепродажа этих наркотиков на американских рынках принесла доход, который был в 40 раз больше». Несколько лет назад сицилийские и итало-американские «крестные отцы» вложили колоссальные суммы (десятки миллиардов долларов) в легальный бизнес. Вито Пальма продолжает: «Расследование, которое проводили итальянские, западногерманские, американские, английские, французские, швейцарские полицейские, объединенные в смешанные группы и перерывшие документацию респектабельных банков и фирм, привело к потрясающему заключению: мафия вложила неслыханные суммы в долларах в земельные участки, строительство, общественные работы, рестораны, гостиницы, казино, агропромышленный сектор, банки и другие финансовые учреждения, частные телекомпании, в частности в Селиконовой долине (Калифорния). Конфискация капиталов, которые мафия вложила во все эти отрасли, могла бы спровоцировать новый промышленный кризис».

Долгое время оставалось тайной, каким образом преступная организация могла достигнуть такой мощи. Чтобы понять причины возвышения империи бандитов, придется сделать экскурс в историю.

Вопреки легендам мафия никогда не защищала бедных от богатых и угнетенных от угнетателей. В момент своего возникновения, примерно в 1867 году, когда Сицилия была присоединена к Итальянскому королевству, мафию возглавляли богатые землевладельцы, яростно защищавшие свои интересы. Именно они захватили монополию на сбыт фруктов, в частности цитрусовых, соли, на распределение воды. Именно они устанавливали цены на рынках. Горе мелкому земледельцу, который не платил им дани или процента от выручки: его поля опустошались.

В послевоенной истории мафии были три важные даты: 1950, 1970, 1980 годы. В 1950 году итальянское правительство провозгласило аграрную реформу. Сицилийская земля подлежала справедливому распределению. Раздел ее действительно произошел: плодородные поля отошли богатым, а бесплодные — беднякам. Государственные чиновники, контролировавшие распределение земли, были либо подкуплены, либо запуганы мафией. Тех, немногих, которые проявили строптивость, находили в рощах задушенными или зарезанными.

В эти первые послевоенные годы «крестные отцы» и их семейства могли совершенно спокойно совершать свои преступления. Контрабанда американских сигарет породила у главарей мафии новые амбиции. Деньги текли к ним рекой, и это привело к первому серьезному изменению в бандитском сообществе. Богатые землевладельцы, ставшие контрабандистами, поняли, что при таких больших деньгах нужны знания и компетентность, которых им не хватало. Они отправили своих сыновей, будущих наследников, в лучшие школы Швейцарии, Англии, а главное — США для изучения тонкостей бизнеса, в частности финансового. Между семьями мафии Палермо и окрестностей на долгое время установилась определенная гармония. У каждой из них были своя территория и сфера влияния.

Правда, время от времени на полях или на улицах находили трупы: эти люди были наказаны либо за слишком длинный язык, либо за плохое выполнение полученного задания. Несмотря на все старания, полицейские и карабинеры ни разу не сумели добраться до убийц. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Страх, который внушает мафия, заставлял соблюдать закон круговой поруки. Вот яркий пример, заимствованный из отчета карабинеров города Палермо, датированного июнем 1959 года. Некий торговец был убит у ворот своего дома в тот момент, когда почтальон вручал привратнику корреспонденцию. Убийца трижды выстрелил в торговца: он отказывался выплачивать дань за покровительство «крестному отцу» своего квартала. Выстрелы произвели адский шум. Но в отчете карабинеров говорится: «Почтальон и привратник утверждают, что выстрелов не слышали и лица убийцы не видели. Нам удалось выяснить только кличку собаки убитого — Дик».

1970 год стал для мафии важнейшим: началась эра наркотиков. Могущественные «крестные отцы» располагали армией, которая насчитывала, по оценкам, 5 тысяч «солдат», или так называемых «людей чести». Мафия создала широко разветвленную сеть друзей и сообщников не только на Сицилии, но и в остальной Италии. На жалованье у нее состояли многие полицейские, судебные чиновники, финансисты, предприниматели, политики. Коррупция стоит дорого, но и приносит большие барыши.

Первым крупным делом, дающим представление об этой крепнущей контрвласти, стала реставрация исторического центра Палермо. Дворцы, виллы, укрепления в районе порта, построенные в XVI веке, разрушались. Городская канализация находилась в запущенном состоянии. Парки и сады XIX века превратились в городские свалки, ибо служба мусороуборки работала через пень колоду.

Правительство выделило на спасение памятников культуры Палермо 10 миллиардов лир. Компании, которые рассчитывали участвовать в реставрационных работах, представили свои предложения. Большинство из них были с Севера — из Милана, Турина, Триеста. Но те, кому удалось заполучить контракт, вскоре убрались с острова. Над ними, казалось, тяготело проклятие: подъемные краны рушились, грузовики загорались, склады взрывались, а специалисты-«чужаки» подвергались избиениям. Через несколько месяцев все работы оказались в руках сицилийских фирм, владельцы которых были подставными лицами мафии, прибравшей к рукам миллиардную субсидию. Деньги исчезли без следа, а исторический центр по-прежнему лежит в руинах.

«Государственные деньги,— говорит следователь Джованни Фальконе, который уже 10 лет охотится за мафией,— использовали для оборудования трех подпольных лабораторий в пригороде Палермо. Каждая из них могла изготовлять 140 килограммов героина ежемесячно, что сулило несметные прибыли в долларах».

Однако корысть и алчность, как правило, порождают раздоры и споры. Не миновали они и семейства мафии. В начале 1980 года эта преступная организация обладала баснословным богатством и безнаказанно укрепляла свою власть. У нее были «свои» политические деятели в Италии и

США. А банкиры Женевы и Цюриха помогали «легализовать» доллары, полученные от торговли наркотиками. И вот тогда-то десятки трупов усеяли улицы Палермо. Убивали даже женщин и стариков. Старая сицилийская пословица гласит: «Уничтожай даже семя своего врага». Под семенем в данном случае понимаются дети жертв. Убивали и их.

Долгое время полицейские и карабинеры не понимали причины этих убийств. Долгое время следователи не знали о том, что между отдельными семьями мафии началась беспощадная война. Бадаламенти, Индзерилло и Бонтаде выступали против союза семей Греко (Палермо) и Сантапаола (Катания). Для того чтобы убрать соперников, все средства были хороши. Семья Греко устроила в одном из портовых строений подпольную тюрьму, где пленников сначала пытали, требуя от них выдать тайники своих друзей, а затем убивали. Их трупы исчезали бесследно. Пино, старший сын Микеле Греко, погружал их в ванну с кислотой. В 1981 году жертв было 147, а в следующем уже — 265. Гибли люди из семей Индзерилло и Бонтаде и их «солдаты». Бадаламенти бежал в Испанию. Бушетта укрылся в Бразилии, где специалист по пластической хирургии изменил его лицо. Греко и Сантапаола торжествовали. Теперь вся подпольная торговля, все прибыли от нее оказались в их руках.

В былые времена мафия подчинялась «кодексу», основанному на круговой поруке и верности, на уважении к «людям чести» и к семье. Но месть клана победителей, жестокость, проявленная им к врагам, кровь невинных жертв возмутили немногих уцелевших из лагеря побежденных.

Первым против подобной жестокости восстал дон Томмазо Бушетта. Греко убили его брата, дядю, двоюродных братьев, зятя. Арестованный в Сан-Паулу, где он был директором частного таксопарка, служившего прикрытием для торговли наркотиками, он почувствовал отвращение к бывшим сообщникам. Его ненависть и отчаяние были искренними. Находясь в тюрьме, он попытался покончить с собой, проглотив капсулу со стрихнином. Его чудом спасли. Он еще выздоравливал, когда к нему в камеру явился прибывший из Палермо следователь Джованни Фальконе. Дон Томмазо почти не колебался, заявив следователю: «Я буду сотрудничать с вами».

13 июля 1984 года, впервые в кровавой истории мафии, один из ее главарей нарушил закон круговой поруки. Бразильские власти дали разрешение на его выдачу итальянским властям, и Бушетта был переведен в Рим в тайную тюрьму, охранявшуюся карабинерами. Его охраняли круглосуточно. Приносимую ему пищу предварительно пробовали. С ним могли встречаться только следователи Фальконе и Импозимато. Следователи проявляли предельную бдительность. В прошлом два мафиози — Леонардо Витале в 1973 году и Джузеппе Ди Кристина в 1978 году — открыли карабинерам свою душу. Леонардо Витале рассказал такие невероятные подробности (и время подтвердило его правоту), что его отправили в психиатрическую больницу. Когда он вышел оттуда в 1984 году, он был убит. Убит был и Джузеппе Ди Кристина.

Томмазо Бушетта рассказал о структуре мафии. Во главе ее стоит «комиссия», или «купол», состоящая из глав самых престижных и внушающих страх семей. Ниже — главы семей, контролирующие четко ограниченную территорию. А в самом низу — «солдаты», которые казнят, пытают, вымогают. Томмазо Бушетта рассказал, например, что «комиссия» устраивала совещания с представителями американской мафии, что она указывала, каких конкурентов следует убрать, руководила закупками и сбытом товаров, устанавливала цены, решала вопрос о капиталовложениях.

Но раскаявшийся «крестный отец» сообщил помимо этого следователям кое-какие подробности и имена, которые позволили им произвести успешную облаву. Благодаря его показаниям 30 сентября 1983 года, в ночь святого Валентина, карабинеры предприняли массовые аресты по всей Италии, захватив 386 мафиози, среди которых были люди, находившиеся вне всяких подозрений.

В отсеках здания суда-бункера в Палермо находятся бывший мэр этого города Вито Чанчимино; могущественный и уважаемый землевладелец и подрядчик Иньяцио Сальво; римский антиквар Джузеппе Кало, по кличке Беппе; агент по торговле недвижимостью Микеле Дзадза; сицилийский делец, обосновавшийся в Риме, Джузеппе Боно. Каждый из обвиняемых выполнял вполне конкретную роль в своей организации.

Вито Чанчимино, невысокий, надменный, поддерживал связи между сицилийскими «крестными отцами» и высокопоставленными чиновниками, депутатами, а то и министрами, находившимися в Риме. Он выколачивал благодаря своим связям субсидии и выгодные контракты для фирм, принадлежавших мафии. В свое время он даже представлял христианско-демократическую партию в Сицилии, но из-за своей репутации «друга друзей» (так называют людей, близких к мафии) был исключен в 1983 году из нее. После его ареста полиция обнаружила в одном из канадских банков 7 миллиардов лир, положенных на его имя.

Иньяцио Сальво считал себя недоступным для правосудия. В свои 54 года он обладал внушительной властью, принадлежал к узкому кругу «частных» сборщиков налогов, которым областное правительство Сицилии поручает взыскивать налоги. Благодаря такому партнеру фирмы и банки мафии уклонялись от уплаты налогов.

Джузеппе Кало долго удавалось ускользать от римской полиции, хотя она и знала о его деятельности, но не знала ни в лицо, ни по имени. Выдал его Бушетта. Кало был важной фигурой на шахматной доске мафии — ее казначеем. Он собирал огромные суммы «отмытых» денег, полученных от торговли наркотиками или в качестве выкупа при похищениях. Он скупил через подставных лиц немало роскошных зданий, окружающих знаменитую площадь Навона в Риме. Это был сказочно богатый человек. Следователи из американского ФБР выяснили, что он владел не только виллой в Беверли-Хилл (Лос-Анджелес), но и имел кругленький банковский счет в 22 миллиона долларов плюс ячейку, где хранились еще 900 тысяч долларов мелкими купюрами.

Микеле Дзадза, большой друг марсельского уголовного мира, арестованный в 1983 году в Париже, куда «комиссия» командировала его для создания сыродельного завода и открытия сети пиццерий, был доверенным человеком мафии; ему поручили купить молчание и помощь некоторых швейцарских банкиров.

На Джузеппе Боно, находившегося в Милане, были возложены закупки наркотиков. Миланская полиция установила, что в 1982 году он отправил этого товара на 380 миллионов долларов.

Через несколько дней после начала «макси-процесса» Микеле Греко, один из двух победителей в последней войне между семействами, был арестован на ферме, неподалеку от Палермо. На свободе остался только Нино Сантапаола с двумя своими помощниками Тото Рииной и Сальваторе Провенцано. Впервые полицейские, карабинеры, судебные работники, обычно настроенные скептически, убеждены, что нанесли мафии сильный удар. «Теперь у нас в руках главные тузы этой организации»,— сказал заместитель прокурора Шаккитано.

Сенсационный процесс в Палермо (из автобусов высаживаются ежедневно толпы туристов, желающих посетить зал заседаний суда и поглазеть на обвиняемых в клетках) символизирует надежды итальянского правосудия, долго попиравшегося мафией; теперь оно рассчитывает доказать наличие связей между преступным миром и крупными должностными лицами государства [1]. Итальянцы называют «посредниками» тех депутатов, мэров, муниципальных советников, банкиров, финансистов, связь которых с мафией полиции не удалось пока доказать.

«Если мы сумеем порвать те связи, без которых эта преступная организация не сможет больше ни действовать, ни подкупать, если мы сумеем лишить ее денежных поступлений, тогда мафия окажется в отчаянном положении!» — говорит Кармине Манкузо, инспектор полиции Палермо. Его отец, также полицейский, был телохранителем следователя Чезаре Террановы, убитого в 1979 году. Мафия устроила ему засаду, убив и охранявшего его полицейского. Кармине Манкузо знает, что убийцы его отца сейчас за решеткой.

[1] По последним сведениям из Рима, эти попытки встречают серьезное сопротивление.— *Ред.*





СМОТРИТЕ

Эта подборка фотографий нашей рубрики «Смотрите» адресована читателям «Ровесника» и будущим отцам. Она показалась нам любопытной тем, что документально опровергает традиционное представление о второстепенной роли сильной половины рода человеческого в воспитании подрастающей смены.

Детям необходима забота, внимание и время не только матерей, как принято часто считать, но и отцов. И к этой роли юношам полезно готовиться с такой же заинтересованностью и тщательностью, как и девушкам, потому что забота о детях — общая родительская обязанность и общая радость, общий залог счастливой и долгой любви, хорошей семьи, доброй старости — всего того, о чем, можно не сомневаться, мечтает влюбленная пара, запечатленная фотокорреспондентом на одной из улиц праздничного Будапешта. А рядом сценки на улицах и площадях Праги, Берлина, Гаваны, в аэропорту Улан-Батора. Отцы и дети социалистического мира.


Ан24РВ
АУ-10102





ИМ ЕСТЬ ЗА ЧТО СРАЖАТЬСЯ

Филип БОНОСКИ,
американский писатель

Для афганского крестьянина главное, что новая власть дала ему бесплатно землю, конфискованную у феодала-землевладельца. И тот факт, что Советская Армия пришла защитить его, простого крестьянина, уже владеющего тем, что дала ему афганская революция, вовсе не был для него обидным или оскорбительным. При решении вопроса, является иностранная армия дружественной или армией оккупантов, следует уяснить, интересам каких классов эта армия служит. Когда советские солдаты вышли на поля, чтобы помочь афганским крестьянам собрать урожай, они выступали не как оккупанты, а как друзья.

Во время моей поездки в Афганистан один из наших переводчиков, студент-медик из Кабульского университета, рассказывал мне в те январские дни 1980 года, когда еще ничего не было понятно, как к нему обратился корреспондент буржуазной газеты с вопросом: «Как вы относитесь к пребыванию иностранных войск в вашей стране?»

Вопрос-западня: вполне естественно, никто не может испытывать особую радость от того, что в его стране находятся иностранные войска. И если бы наш студент, проявив наивность, дал бы на этот абстрактный вопрос «абстрактный» ответ, тот корреспондент немедленно наполнил его вполне конкретным содержанием. Он бы написал, как «один афганский студент», с которым он беседовал, протестует против пребывания советских войск в Афганистане. И казуистически он бы не солгал. Но он выбрал не того студента. Потому что наш друг Мунир в свои девятнадцать лет уже четыре года участвовал в революции как член молодежной группы НДПА. Он ответил: «Я не могу есть с вашей ложки с закрытыми глазами. Какие войска вы имеете в виду? Войска друзей или врагов?»

Не такого ответа ожидал корреспондент, и он никогда не процитирует нашего друга в своих сообщениях в редакцию. Но с точки зрения истинного патриота это был правильный ответ.

Главы из книги «Необъявленная война против Афганистана». Продолжение. Начало в № 9.





Для этих детей рабочих и крестьян Апрельская революция открыла новые горизонты, дала свободу выбора жизненного пути.

Для Мунира и для его народа имело решающее значение, какие войска вошли в Афганистан — друзей, как советские, или врагов, вроде тех, что приходят из Пакистана...

Примечательно, что западные буржуазные демократии были всегда более чем равнодушны к вековой отсталости Афганистана в годы правления короля и помещиков-феодалов. Как должное принималось, что 50 процентов младенцев умирает и что женщины находятся на положении рабынь. Но как только народ взял власть в свои руки и начал революционное преобразование своего общества, тогда — и только тогда! — вашингтонские и лондонские «поборники» демократии подняли вой на весь мир, мол, «несчастный, пребывающий в темноте народ задыхается под властью тиранов!».

Как мы могли убедиться, планы дестабилизации революционного движения зародились не в апреле 1978 года. Это случилось гораздо раньше, возможно, еще в начале XIX века, когда Ким, герой одноименной книги Киплинга, ставший английским шпионом, заметил, что «великая игра» в этой части света длится уже многие годы и будет продолжаться всегда.

Оплаченная и подготовленная ЦРУ контрреволюция нанесла удар в первую очередь по школам и учителям, понимая, что самую большую опасность для нее таит просвещение крестьянских умов [1].

Учителей не просто, если можно здесь применить такое слово, «гуманно» убивали. Их подвергали (наряду с партийными активистами) изощреннейшим пыткам. На востоке, во времена феодализма, пытка считалась искусством, и соответствующие методы были доведены до совершенства. И те, кто владеет этой техникой, с удовольствием демонстрируют свое «мастерство» западным репортерам, заслужившим «высокую честь» наблюдать их искусство. Но на сторонников правого дела, имеющих моральное и историческое превосходство, террор может оказать только временное сдерживающее влияние. Пытки во имя ислама и возвращения к дореволюционным феодальным пережиткам, без сомнения, вызывают у людей страх. Но террор внушает и ненависть, особенно когда жертвами становятся дети, как это случилось в Кабуле, когда была отравлена питьевая вода в одном из лицеев. Сами же дети, чьи школы были сожжены дотла и чьи учителя зверски убиты по-

[1] *Подобные же преступления совершают сегодня «контрас» в Никарагуа и южноафриканские командос на Юге Африки.— Здесь и далее прим. ред.*



рой прямо у них на глазах, без сомнения, были охвачены ужасом. Но вряд ли это убедило их в преимуществе безграмотности и невежества. В этом и заключается главный просчет контрреволюции.

Подполковник Рафи[2] рассказывает (о подполковнике Мухаммеде Рафи, как и о многих других руководителях Афганистана, неоднократно сообщали в буржуазной прессе, что он был убит «муджахидинами». И даже тот факт, что после таких сообщений он появлялся на публике, никогда никого в западной прессе не смущал и не предотвращал появления новых «уток», которые публиковались без всякой осмотрительности, не говоря уже о стыде...): «Изо дня в день наша армия добивается больших успехов. Молодежь принимает активное участие в борьбе с контрреволюцией. Бывшая в январе 1980 года на грани краха, сегодня наша армия представляет внушительную силу. Советские войска оказывают поддержку в осуществлении отпора интервентам, но основные боевые действия ведутся силами нашей армии. Взаимоотношения между нашими солдатами и советскими — самые дружеские. Они — наши братья».

Действительно ли молодежь поддержала революцию?

Как-то мы, журналисты, посетили штаб Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА). У ворот нас остановили четверо или пятеро подростков, в руках у этих часовых были винтовки величиной чуть ли не с них самих. У нас создалось впечатление, что мы прервали какую-то детскую игру, которой они были заняты до нашего прихода и к которой хотели бы поскорее вернуться. С большим трудом им удавалось изображать суровость и строгость на лицах. Где же пролегает грань между игрой в солдатики и превращением в солдат?..

Штаб ДОМА располагался в особняке, раньше принадлежавшем богатому торговцу, которому пришлось сменить адрес. Во время беседы с членами ДОМА мы прояснили для себя многое.

Кабульский университет всегда был центром политической деятельности молодежи, там же образовались первые кружки по изучению марксизма. Только в 1968 году, например, афганские учащиеся (из всех учебных заведений) устроили более десятка манифестаций, часто в поддержку бастовавших рабочих. Первые студенты пали жертвами в революционной борьбе 25 октября 1965 года, когда демонстрация против правительства Мухаммеда Юсуфа была расстреляна афганскими войсками. Три студента были убиты, многие ранены. Таким образом, существовала вполне определенная традиция левого движения среди студентов, а ДОМА, тогда насчитывавшая в своих рядах около 2 тысяч человек, вела в студенческой среде активную агитационную работу. Об этом с большим знанием дела нам рассказал Мунир, наш переводчик и руководитель партийной организации студенческой молодежи в Кабуле.

Мунир рассказал нам о том, что был предупрежден о попытках контрреволюционеров поднять молодежь. Он пригласил руководителей студентов-мятежников, которых знал лично, к себе домой и устроил с ними дискуссию. Эта картина — юноши, ведущие споры среди крайне жестокой и беспощадной войны,— показалась нам, журналистам, неестественно странной. Что ж, в проходивших в то время в Кабуле событиях было немало наивного. В то время как на границе люди убивали друг друга, учащиеся колледжа в Кабуле спорили о «политике». И такое состояние некой милой неразберихи между друзьями и врагами тянулось относительно долго. Еще сохранялась иллюзия, что логическими доводами можно убедить противную сторону в своей правоте и смягчить упорствующих.

А Мунир рассказывал, что он усадил одного из руководителей напротив и сказал: «Давай спорить. Если ты убедишь меня, я пойду за тобой. Но если мне удастся убедить тебя, придется тебе присоединиться к нам!» И они спорили. Муниру удалось убедить многих в том, что в Афганистане свершилась настоящая революция, которую надо защищать с оружием в руках. Кое-кого убедить не удалось...

Позже с теми, кто был арестован за контрреволюционную деятельность, снова спорили, их убеждали уже в тюрьме, и те, кто искренне раскаялся или прозрел достаточно, чтобы увидеть, куда завела абстрактная логика, подписали документ и уже на следующий день были на свободе и вернулись к занятиям в университете.

Мы поняли: с молодежью революция обходилась мягко, деликатно и бережно. Но среди молодежных «бунтарей» были и взрослые люди. Среди них были и пакистанцы, вооруженные автоматами, снабженные листовками и брошюрами, изданными на языках пушту и дари, у них были еще коротковолновые приемники, настроенные на волну контрреволюционного штаба, вещающего из Пакистана. Это были хорошо подготовленные профессионалы. Действовали они по тщательно разработанному плану и имели совершенно определенную цель — поднять мятеж. Они прекрасно знали рецепт зажигательной смеси, которую можно бросать в автобусы. Это они писали на стенах: «Аллах акбар!» («Аллах велик»). Этот же вопль — «Аллах акбар!» — был записан на пленку, и они воспроизводили запись через десятки громкоговорителей, установленных ими на крышах домов, пытаясь создать впечатление, словно кричит весь город. Они устраивали пожары и стреляли в пожарных, которые тушили их. Они убивали торговцев, которые отказывались сотрудничать с ними. Короче говоря, это были хорошо подготовленные диверсанты. А отпор на улицах города им давали ребята из Демократической организации молодежи Афганистана или группы добровольцев, образованные тут же на месте. Наиболее успешное сопротивление им оказали фабричные группы самообороны.

Те студенты университета, которые поддались на провокации контрреволюции, были выходцами из зажиточных семей. Их отцы были помещиками, крупными землевладельцами. Народная власть не помешала им поступить в университет — дети не расплачиваются за грехи отцов. Однако, когда дело дошло до серьезного испытания, эти молодые люди инстинктивно встали на защиту интересов своего класса, хотя, что часто свойственно детям зажиточных родителей, подавшихся в революцию, они это делали с крайне левацких позиций.

Между тем год от года растет численность Демократической организации молодежи Афганистана. Ее влияние ощущается во все более широких слоях молодежи, и не только среди студенчества. Сейчас это большая дееспособная сила. В октябре 1982 года члены ДОМА отправили свой первый батальон добровольцев на фронт, за ним последовали и другие.

Активисты ДОМА участвуют в кампании по борьбе с неграмотностью, передавая недавно полученные знания старшим. Они сажают деревья в Кабуле и его окрестностях. Вокруг города было отведено более 190 тысяч гектаров земли для создания зеленого пояса, который позволил бы столице легче дышать, сохранить влагу в почве, улучшить климат.

Они же вновь засадили безжизненные долины, когда-то покрытые лесом, вырубленным неким скудоумным дельцом на дрова, тем самым превратившим окрестности Кабула в пустыню. Добровольный безвозмездный труд, особенно в юбилейные дни революции, всегда с энтузиазмом поддерживается молодежью. Во время афганских «субботников» в Кабуле буквально на каждом шагу можно видеть юношей и девушек с лопатами и мотыгами. Они, сыновья и дочери рабочих и крестьян, в полном смысле слова чувствуют себя заново рожденными революцией. Ей они обязаны всем. Перед ними открылись новые горизонты, перед ними открылось будущее, они обрели свободу выбора жизненного пути.

С разгулом контрреволюции Народно-демократическая партия Афганистана взяла на себя ответственность за обеспечение безопасности в городе, и вместе с рядовыми бойцами милиции

[2] *Сейчас член Политбюро ЦК НДПА Мухаммед Рафи заместитель Председателя Совета Министров Демократической Республики Афганистан.*

члены НДПА патрулировали улицы Кабула. Партийные активисты вышли в феврале 1980 года на улицы с мегафонами и обратились к народу с призывом не присоединяться к контрреволюционерам, разъясняя, кто они есть на самом деле. Другие вместе с отрядами милиции занимались окружением и поимкой тех, кто еще не успел сбежать в Пакистан.

Февраль 1980-го научил многому [3]. Я был удивлен сообщениями о том, с какой легкостью контрреволюционерам удавалось, сев на автобус (некоторым на афганской, другим на пакистанской стороне, например у Хайберского перевала), приехать затем в Кабул и спокойно снять номер в гостинице. А разместившись с дороги и приняв душ, они начинали жечь автобусы.

Это было еще одним проявлением наивности, что, впрочем, придавало защитникам революции определенный шарм. Партийные руководители объяснили нам, что та легкость, с которой их смертельные враги могли беспрепятственно проникать в город, налаживать связи с агентурой, объясняется местными особенностями. Хотя у жителей Кабула и есть удостоверения личности, было бы совершенно бессмысленно требовать предъявления таких удостоверений от кочевников, членов племен и даже крестьян, которые были безграмотны, а у многих просто не было постоянного местожительства. Даже в Кабуле приезжему очень трудно найти нужный адрес, так как нет четкой системы нумерации зданий и не все улицы имеют названия. И уж никто с достоверностью не может сказать, кто именно или сколько человек живет в том или ином доме или лачуге.

В Афганистане узы кровного родства священны. Любая семья обязана оказать гостеприимство кровному родственнику, независимо от того, чем он занимается и каких взглядов придерживается. Поэтому в семьях раньше легко было скрываться преступникам, а теперь — контрреволюционерам. Чтобы обнаружить и выявить их, можно рассчитывать только на соседей, которые согласятся помочь. Первое время об этом нечего было и думать. Позже это стало возможным. И если бы население Кабула действительно было настолько враждебным к правительству, как это изображает западная печать, то восстание, намеченное на месяц рамазан (девятый месяц мусульманского лунного календаря, который после поста заканчивается праздником), ни за что не удалось бы задушить в зародыше, как это сделала быстро и без лишней шумихи милиция. Народ сам показывал, где прятались заговорщики, а бойцам милиции оставалось только прибыть на место и окружить их.

Оперативность, с какой милиция и партийные работники обнаружили и захватили потенциальных поджигателей и отравителей колодцев, принесла им всеобщее уважение.

От секретаря ЦК НДПА Махмуда Барьялая мы узнали, каким трудным делом оказалось выдворение из страны группы американских журналистов. «Они прибыли сюда не просто в качестве журналистов,— рассказывал он.— Они еще и организовывали мятежников. Они нарушали все существующие нормы поведения журналистов».

Когда мы коснулись присутствия советских войск в Афганистане, Махмуд Барьялай сказал:

«Вспомните Чили! Если бы Советская Армия не пришла вовремя, наша страна стала бы второй Чили. Мы столкнулись с врагом жестоким, не признающим никаких общечеловеческих норм поведения. Они не борцы с коммунизмом как таковым — они враги свободы, враги культуры, науки, всех моральных ценностей. Они жгли школы и университеты, старались уничтожить все, что попадалось им под руки. Они сожгли университет в Джелалабаде, убили сотни учителей в провинции, многих — после ужасных пыток, они травили ядом наших шести-семилетних детей. Одних они закапывали живьем в землю, других хлестали плетьми до тех пор, пока их спины не превращались в кровавые лохмотья. Вот с такой жестокостью, поддерживаемой США, такой же бесчеловечной, как во Вьетнаме, мы столкнулись у себя дома.

А цель у нас простая — мы хотим накормить, одеть и обеспечить жильем бедствующих. Вот и все!»

Здесь, в Афганистане, мы наблюдали то, что происходило во многих других отсталых, недавно освободившихся странах, где еще сохранялись пережитки феодальных и даже родовых отношений и рабочий класс которых только недавно зародился. Представители образованных классов из чувства глубокого патриотизма и национальной гордости, исполненные гнева и стыда за все унижения, которые их родина потерпела от колонизаторов, «замещали» представителей рабочего класса до тех пор, пока он сможет подготовить руководящие кадры из своих собственных рядов.

Мухаммед Хан Джалалар, министр торговли,— личность уникальная в правительстве Афганистана. Он один из трех беспартийных членов высшего руководящего органа государства. Но он не новичок на этом месте. Тот же пост он занимал и в буржуазном правительстве Дауда, а при короле был заместителем министра финансов.

Торговые отношения, рассказывал он нам, продолжаются со всеми странами, кроме Израиля и ЮАР. Однако основным торговым партнером остается Советский Союз. И это естественно. Северный сосед Афганистана в течение многих лет был главным торговым партнером страны еще со времен Российской империи.

Валюта страны —афгани, сообщил министр, остается стабильной, несмотря на многочисленные провокационные слухи, повторяемые в западной прессе.

Афганистан, рассказывал министр, экспортирует натуральный газ, овечью шерсть, хлопок, кунжутное масло, изюм, ковры, лекарственные травы, ремесленные изделия. В то же время в страну ввозятся нефть, топливо, чай, лимоны, готовая одежда, а также — станки, машинное и транспортное оборудование, шины, телевизоры, часы... Вся торговля между Афганистаном и СССР основывается на ценах мирового рынка, но имеются и специальные протоколы, предоставляющие в отдельных случаях льготные условия Афганистану. Торговля — как внешняя, так и внутренняя — в основном находится в руках частного капитала. Для расширения и стимулирования торговли частное предпринимательство в этой сфере поощряется. Щедрые и дешевые кредиты, предоставляемые Советским Союзом, помогают развивать экономику страны.

Зная, что перед нами сидит человек, который занимал министерские посты, по крайней мере при трех различных режимах (один из которых — капиталистический и один — монархический), мы не удержались и спросили: «После двадцати лет службы при трех столь разных режимах, какой из них вы считаете лучшим?»

Мухаммед Хан Джалалар засмеялся и сказал: «Ответ я вам дам... когда выйду в отставку». И предоставил нам самим догадываться, что имел в виду.

В Афганистане насчитывается что-то около 250 тысяч служителей культа; муллы своим присутствием и влиянием пронизывают все сферы жизни общества. И хотя они служат богу, находясь среди людей, они не могут отгородиться от мирских проблем. Поэтому неудивительно, что жестокая борьба в той или иной форме находит свое отражение и в рядах духовенства. Муллы есть у обеих конфликтующих сторон. И те и другие, хотя и не признаются в этом, интерпретируют Коран в интересах своего класса. На протяжении многовековой истории во всех странах Востока, особенно там, где исповедуется ислам, классовая борьба принимает религиозные формы. И то, что эти «религиозные войны», возникающие в эпоху империализма, развитой науки и техники, выглядят анахронизмом, объясняется исторической отсталостью социального развития этих районов, где феодализм еще сохранился в обществе, в котором и сам капитализм уже вступил в продолжительный период спада и одряхления, в конце которого ему придется сказать последнее прости.

---

[3] *В феврале 1980 года афганская контрреволюция при поддержке сил международного империализма сделала первую попытку свергнуть демократическое правительство Афганистана.*

Муллы, или, точнее, религиозные институты, которым они служат, всегда воздвигали барьеры на пути прогресса, по крайней мере те из них, кто был наиболее тесно связан с землевладельцами и представлял их интересы, часто это были и их собственные интересы. То, что кто-то из духовенства счел возможным признать новое правительство, само по себе удивительно. Но что уж вовсе поразительно, так это количество признавших новую власть. На конференции улемов (собрания мусульманских богословов и законоведов) в Кабуле собралось более восьмисот мусульманских богословов и законоведов. Нам удалось встретиться с четырьмя муллами в мечети Мадж Нуншах в центре Кабула. Мы оставили нашу обувь при входе и расположились вокруг наших хозяев, присев на пол. Все они были членами Ассоциации богословов, президент которой Абдул Азиз Садек и ответил на наши вопросы.

В первую очередь нам хотелось узнать, каким образом мусульмане поддерживают правительство «атеистов» и не испытывают ли они какого-либо притеснения, дискриминации от этого правительства?

На вопрос о притеснениях Абдул Азиз Садек, человек лет шестидесяти, ответил категорически: «Нашими единственными притеснителями являются контрреволюционеры». Он сам, как выяснилось позже, был занесен контрреволюционерами в списки подлежащих уничтожению. В 1982 году контрреволюционерами было убито 50 мулл. К 1983 году эта цифра более чем удвоилась.

Абдул Азиз Садек рассказывал, что правительство не только не вмешивается в дела духовенства, но и выделяет средства на ремонт и восстановление сожженных душманами мечетей. «До Апрельской революции,— отметил Абдул Азиз Садек,— не было случая, чтобы правительство совещалось с муллами по религиозным или мирским вопросам или посылало их за границу, как послали, например, нас в Советский Союз, чтобы мы своими собственными глазами увидели, как живут наши братья-мусульмане в этой стране».

То, что они увидели в СССР, произвело большое впечатление. Они побывали в Самарканде, где старинные мечети благодаря стараниям Советского правительства были восстановлены и реставрированы наилучшим образом. Так что напрасно старалась и сочиняла душераздирающие истории антисоветская пропаганда. Собственные глаза — лучшие проводники к правде.

Позже мы узнали, что Абдул Азиз Садек был убит душманами...

Перевел с английского Н. ХАЛИП

Продолжение следует

МИФ ОБ АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЕ

Словно давний сон, я вспоминаю ту песенку из детства: «Все лучшее в жизни свободно». Так себе мелодия, и бессмысленные слова, но песенка поселила во мне веру в некую мифическую свободу.

Раз лучшее в мире свободно, значит, и свобода должна быть свободной. Логика несколько странная, но чего еще ждать от десятилетнего человека, поглощающего поп-музыку с той же непосредственностью, что и пломбир. Когда я произносил слова на уличный манер, а мне замечали: «Так говорить нельзя!», я отвечал: «Я могу говорить как хочу, это свободная страна». Так, благодаря музыкальным познаниям, сам того не ведая, я стал приверженцем абсолютной свободы, плохо понимая, что это такое, не подозревая, какими последствиями грозит такая жизненная позиция. Я смотрел на американский флаг и думал о моей свободе.

И так продолжалось, пока я не перешел в среднюю школу «Ямайка». Однажды в коридоре школы меня остановили два хулигана и в выражениях, какими я пользовался только на баскетбольной площадке, потребовали деньги. Ради этих пятнадцати пенсов, которые родители дали на автобус, я прошагал целые две мили, и я не отдал бы их и целой армии кинг-конгов [1], не то что двум шалопаям. Поэтому я сказал: «Не выйдет», и они принялись лупить меня по животу и по лицу, пока кто-то из учителей не осмелился сказать: «Довольно!» Этот смелый учитель даже попросил объяснить, в чем дело, и хулиганы сказали: «Не твое дело, это свободная страна». С тех пор я стал относиться к свободе несколько иначе, чем в наивные детские годы. Этот случай я вспоминаю всякий раз, когда слышу афоризм: «Ваша свобода кончается там, где начинается мой нос». Мой нос подтверждает справедливость данного утверждения.

Из этого эпизода должно быть понятно, почему я против абсолютной свободы. Поймите правильно, я люблю свободу ничуть не меньше, чем раньше, просто я увидел, и достаточно ясно, во что она превращается без узды. Но выводы из урока, полученного в коридоре, я извлек гораздо позже.

Подобно многим студентам либеральных университетов пятидесятых, я был увлечен сочинениями экзистенциалистов. «Жизнь бессмысленна» говаривал я цветущим девушкам на скамейке в парке, и наполовину не понимая того, что провозглашал. Со всей серьезностью, на какую был способен, я читал и повторял про себя мысли Альбера Камю [2] о том, что справедливости нет, есть только ограничение. Я сам это инстинктивно почувствовал тогда в коридоре школы «Ямайка». Не подразумевается ли, спросил я себя, под справедливостью свобода? Это следовало из текста, и, как мне все больше казалось, в этом был ключ к пониманию бунтарства. Свобода только тогда существует, когда у нее есть сдерживающее начало. Бунтарь без цели напоминает тех хулиганов из средней школы «Ямайка».

ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?
ВАШЕ МНЕНИЕ?



Став преподавателем, я устроил на эту тему дискуссию со студентами. Мое положение было явно невыгодным: студенты могли говорить все, что хотели, меня же сдерживали чувства приличия и привычка соблюдать правила игры. Когда они кричали: «Дерьмо собачье!», я отвечал: «Какие у вас есть основания так думать?» Излишне говорить, кто из нас в той дискуссии взял верх.

Свобода без ограничений постепенно стала целью довольно широких групп людей, которые, точно так же, как я в детстве, желали поступать как хочется. Я не считаю преувеличением, что подобное детство у многих продолжается и после тридцати, в жизни

[1] *Кинг-Конг — гигантская агрессивная обезьяна, герой нескольких фильмов.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Альбер Камю (1913—1960) — французский писатель, философ, публицист.*

отнюдь не редкость эти взрослые школьники, настаивающие на признании своих желаний. Один из моих студентов как-то заявил в аудитории: «Даже если то, что я хочу, чушь и глупость, мое значение как человека позволяет мне требовать, чтобы мои желания признавались». В самом деле? Тогда все от рождения имеют право на признание своих желаний.

Если бы свобода равнялась желанию — а именно так у нас это часто понимают,— тогда, как в кинобоевике,

студенческих волнений шестидесятых годов я решил найти свой Эдем в коммуне хиппи в Вермонте, где свобода являлась основополагающим и руководящим принципом всей жизни.

Свобода в коммуне распространялась только на любовь и выбор любимой. И, естественно, оказалась довольно относительной. Лидер коммуны и его приближенные делали все, что хотели (конечно, в границах принятой в коммуне свободы). Мой же выбор был небогат, да и остальных «ря-

турных устоев, мы все больше теряем контролирующие поведение и поступки принципы. Психиатры — я не имею в виду всех — предписывают своим пациентам «делать то, что доставляет им удовольствие». Неважно, что это может доставлять неудовольствие другим. Такой рецепт действенен и в обществе. Между тем общественные взаимосвязи становятся менее связующими, мораль же, руководствуясь удовлетворением чувств, забыла о духе.

Куда это ведет? Если человек сво-



МИФЫ, КОТОРЫЕ ПРАВЯТ АМЕРИКОЙ

Герберт ЛОНДОН,
американский социолог

все средства хороши, закон отступает перед желанием. Герой романа «Механический апельсин» [3] — вот прототип «новой свободы». Садизм доставляет ему удовольствие, а раз так, зачем поступать иначе? Преступление ради удовлетворения желания уже не преступление — ведь общество гарантирует свободу (или кто-то по наивности так полагает). За что же тогда наказывать?

Самовыражение свободы в самых разных видах, эта философия эгоизма — исповедующий ее руководствуется одним принципом: «Я могу делать то, что ты не можешь». В разгар

довых» тоже. Как заметил кто-то, «свобода определяется Джорджем» (так звали лидера коммуны). Вот вам прекрасный пример определения свободы.

Здесь я хотел бы привести мнение, которое полностью разделяю: целые группы людей вступают в стадию, которую иначе не назовешь, как, в абсолютно клиническом смысле, инфантильным регрессом. Приводятся доводы: «Как я могу стать лучше, если мне не дают выразить себя?», «Я должен найти себя», «Я должен расти», «Я должен понять себя» и так далее. Чем больше внимания фокусируется на собственной особе, тем скорее ценность личной свободы становится абсолютной величиной.

Я не могу не видеть, что сегодня, как никогда раньше, сдерживающие силы самоконтроля подвергаются разрушению. Раскрепощая человека от куль-

боден, зачем ему связывать себя с людьми, которые так или иначе его свободу ограничивают. Любые взаимоотношения — дружба, любовь, дело — подразумевают какую-то отдачу и заботу о других, но свободный человек обязан оберегать свою свободу, в итоге цена свободы — одиночество. Растет число разводов: каждый из супругов считает себя свободным от сочувствия, сострадания, содружества, где частица «со» имеет самое буквальное значение — «вместе», «совместно».

Любопытно, что, когда такие искатели свободы находят смысл в объединении, они демонстрируют чуть ли не фанатическую преданность любому лидеру.

Мой отец, познавший свободу на улицах Ист-Сайда (район нью-йоркской бедноты.— Ред.), говаривал так: «Если человек свободен делать что хочет, я не рискну пересчитывать ме-

[3] *«Механический апельсин» — роман английского писателя Энтони Берджеса, по которому был сделан в США фильм. Герой романа от скуки, «ради развлечения» совершает все мыслимые и немыслимые преступления.*

лочь на людях». Когда не понят смысл свободы, когда многие в обществе не желают мириться со сдерживающими правилами и условностями общежития, свобода теряет свое очарование. Мы рискуем окончательно утерять ее ценность, пока защищаем ее на словах, не вдумываясь в ее смысл.

МИФ О СЧАСТЬЕ

Никто не бывает настолько счастлив или несчастлив, насколько думает сам.

Франсуа де Ларошфуко

Счастье... присущая человеку способность легко поддаваться на обман.

Джонатан Свифт

Счастливая жизнь! Это был бы ад на земле.

Бернард Шоу

Если и есть химера, поисками которой занят каждый американец,— это счастье. Любой цветочный лепесток, оторванный мечтателем, любая брошенная в воду монетка связана с этим мистическим желанием счастья.

В наше время счастье приняло материальную, статичную форму, счастье — это новый автомобиль, загородный дом или выигрыш в лотерее. Абстрактное чувство превратилось в конкретное, и потому нам нужно больше, как можно больше вещей.

Все больше наша жадность — все меньше в нас человечности. О том, что хорошо и что плохо, американец судит так: «Если это сделает меня счастливым, значит, это хорошо». Потакание себе, невзирая ни на какие традиции и нормы, выдается за здоровое желание человека быть счастливым. А услужливый рынок предлагает все новые и новые вещи, уводя все дальше и дальше от достижения счастья.

Исключительно эгоистическое понимание счастья освободило американцев от каких-либо моральных ограничений. Мы отмели нравственность как анахронизм и в конце концов обнаружили, что сидим на свалке вещей, но так и не нашли настоящего счастья.

Во времена Джефферсона счастье понималось как жизнь на благо общества. Для американского философа Джона Локка слово «счастье» было синонимом слова «нравственность». Как стремление к счастью не освобождает сына от сыновьего долга перед родителями, так и нравственность накладывает на человека обязательства перед обществом. Если человек выполняет их добровольно, в его руках — ключ к секрету счастья. В те времена люди верили, что свобода откроет людям возможность нравственной жизни, в результате которой они обретут счастье: Свобода — Нравственность — Счастье.

По нынешним меркам эта схема кажется наивной: повсюду царит беспринципность, все больше людей заняты только личными интересами, не заботясь о целях, стоящих перед обществом. В результате понятие счастья, некогда связанное с понятиями свободы и нравственности, лишилось собственной сути, утратив всякий смысл.

К чему мы пришли? Болтаясь в океане эгоистических чувств, человек не знает, куда пристать, где прибежище. Он все отчаяннее ищет счастья, потребность в нем все растет, а он не знает, как ее утолить. Утеряв традиционные ценности, современный американец лихорадочно мечется в погоне за «счастливой жизнью», а та недосягаема, как прежде.

МИФ ОБ УСПЕХЕ

Успех погубил многих людей.

Бенджамин Франклин

С ростом промышленности в США философия умножения денег постепенно завоевывала главенствующее положение в культуре. Американский индивидуализм нашел богатое поле деятельности в экономике свободного предпринимательства. Теория успеха оказалась перед выбором — деньги или нравственность. Ни у кого не вызывало сомнений, что делец не может выступать в роли нравственного идеала — жажда денег неминуемо разрушает нравственность. Понятие нравственности постепенно исчезло из понятия успеха: в наш позолоченный век только богатство, пусть даже созданное ночным грабежом, дарует положение в обществе.

Моралисты оплакивали судьбу нации, утерявшей этические принципы, сверхбогачи на виду у всех щеголяли беспринципностью. «Меркантильным упадком» назвали время промышленного бума, что ничуть не смущало людей с амбициями, число которых стремительно росло. Моралистам оставалось лишь проповедовать, что нравственное поведение — более надежный путь к получению морального удовлетворения, чем поведение безнравственное. Неудачникам в том было малое утешение: в обществе, все ценности которого основывались на богатстве, соперники расталкивали друг друга, напрочь забыв о морали.

Спору нет, в конце девятнадцатого века поучительные книги пользовались в США большой популярностью. И все же расценивать их следует в свете происходивших в то время событий. Фактически, несмотря на очевидную нравственность героев этих книг, причина их успеха, и это видно невооруженным взглядом,— в поклонении доллару. Далекие от осуждения мамоны, самые благочестивые писатели и многие линчеватели пороков признали незыблемость власти «богини потаскухи» для США.

Постепенно в погоне за богатством целые области понятий нравственности выбрасывались из разряда норм, становясь исключениями. В двадцатом веке продажность и земное вознаграждение уже так близко ассоциировались друг с другом в глазах общественного мнения, что и само понятие нравственности оказалось перевернутым с ног на голову. Быстро вошла в моду догма социального дарвинизма — выживает сильнейший,— которая оказалась весьма полезна для объяснения и приятия некоторых неприглядных последствий стремительных изменений в общественном понимании нравственности. Вседозволенность в экономике стала нормой, утвердилось новое, чисто материальное толкование успеха.

Возможно, самые удивительные формы успех принял в нематериальной сфере. Мы создаем «самообман престижности», главное для нас — претензия. Если у кого-то нет достаточного богатства, дающего ощущение собственной значительности, эту значительность можно ощутить, нацепив стандартные ярлыки успеха. Фактически подражание стало настолько массовым, что теперь подлинное уже кажется искусственным. И оказывается, дельцы уже не дельцы, а строители экономической политики; автомеханики не просто чинят автомобили, но являются техническими экспертами, исследующими механические нарушения в системах двигателей; мы не обсуждаем наши проблемы с друзьями, но исследуем комплексы вместе с психоаналитиком; мы не работаем, но занимаем посты. Мы превратились в нацию хвастунов, кричащих: «Я самый великий!», только бы доказать себе, что нам сопутствует успех.

А иллюзия настолько ярче реальности, что мы никак не можем удовлетвориться ни тем, что делаем, ни тем, что имеем. И чем выше мы забираемся, тем иллюзорнее успех. Наш век можно охарактеризовать словами: «Обещать почти все почти задаром». Главное — создать иллюзию успеха даже там, где к тому нет никаких оснований. Стоит только смешать понятия— и надуманное выглядит подлинным, например, слава низводится до известности. Иллюзорные цели требуют иллюзорных средств, а цель так и остается недосягаемой.

Успех воплощается в имя, которое все знают. Неважно, кто за ним стоит, только бы средства массовой информации не перепутали буквы. Один из элементов эпидемии на известность — игра в награждения. По каждому пустяку у нас такое количество призов, что стать знаменитым, не получив хотя бы одного из них, почти невозможно. Наши телепрограммы можно охарактеризовать как бесконечную вереницу церемоний вручения наград.

Студенты получают высший балл за лучшую худшую работу. А истинно лучшее не вознаграждается, потому что мы уже не знаем, как оно выглядит. Каждый университет называется великим, каждый студент считается талантливым, каждое выступление средств массовой информации преподносится как более значительное, чем предыдущее. Задача такова: демократизировать успех, дать его каждому и тем самым лишить понятие успеха всякого смысла, когда неудачника от счастливчика в иллюзорном мире не отличить.

Ну и что, спросите вы, что плохого в том, что понятие успеха расширилось и демократизировалось? Вот что я думаю: отказавшись от идеи упорного труда, мы поверили в то, что счастье — это потребление. Мы поверили в иллюзию.

Идея упорного труда, сторицей вознаграждаемого, на сегодня почти анахронизм. Не более чем образ, лишенный всякого содержания.

МИФ О РАБОТЕ

Работа держит в узде великие беды: скуку, порок и нужду.

Вольтер

Изречение святого Петра «кто не работает, тот не ест» так же привычно для США, как бейсбол или кока-кола. И все же за последние десятилетия ситуация настолько изменилась, что формулу следует читать так: если человек не работает, мы должны позаботиться, чтобы он ел. Любопытно, что радости при этом не испытывают ни те, кто пользуется пособием по безработице, ни те, кто платит налоги.

Столетиями психическая и материальная стабильность человека зависела от его труда. Не случайно самые распространенные фамилии в США Смит (кузнец), Карпентер (плотник), Купер (бондарь), Чэндлер (бакалейщик), Фармер (фермер), Бейкер (пекарь), Миллер (мельник). Некогда работа являлась необходимым условием существования.

По мере того как статус труда утрачивал свой смысл, поиск нового статуса становился общенациональной заботой. В фильме Ф. Феллини «Сладкая жизнь» Марчелло Мастрояни играет современного человека, он элегантно одет, он держит под руку двух женщин, одетых еще более элегантно, а он смотрит как зачарованный на рабочего с лопатой, на его взмокшую спину. Естественно было бы предположить, что рабочий завидует герою фильма, но случается обратное. И это не просто режиссерская уловка, но вера, что жизнь человека без труда бессмысленна. Успех не придает осмысленности жизни.

В нашу эпоху прежняя вера в то, что в самом труде заложено истинное вознаграждение, разрушена. Некогда миф о благородстве труда давал не только ощущение общности дела, но и придавал смысл самой культуре человечества. Утеря этого смысла ведет ко все большей духовной неопределенности.

Мы уже привыкли судить об образе жизни по потреблению и свободному от работы времени. Богатые все меньше думают о труде и все больше о немедленном вознаграждении. Жить в экономической реальности — удел бедняков. Между тем именно труд формирует людей и их социальные отношения. Утеря нравственного смысла труда грозит нам тем, что следующая глава истории страны будет об упадке и бессмысленности жизни.

МИФ О ТЕХНОЛОГИИ

Бытует мнение, что могущественная, как Зевс, техника способна разрешить наши беды, избавить от бедности и принести удовлетворение собой. Между тем реальность технического развития не оправдывает наших чаяний.

Нам говорят: если мы будем пользоваться такой-то зубной щеткой, у нас будет неотразимый оскал. Если мы будем модно одеваться, у нас будет хорошая работа. Если мы будем разъезжать в спортивном автомобиле, мы будем нравиться женщинам. Если мы будем мыться нужным мылом, мы будем выглядеть моложе. Но когда мы умылись, почистили зубы, оделись, ароматизировались, сели за руль, мы все-таки не стали моложе и лучше, чем прежде.

Красивая жизнь, обещаемая техническим прогрессом,— блеф. Дело не в том, что технология не способна дать прекрасный автомобиль и зубную щетку. Способна. Но проблема в том, что чудодейственность технологии настолько нами завышена, что уже изначально наши желания не могут сбыться. В результате нас постигает горькое разочарование. Исполнив предписанные роли, мы обнаруживаем, что жизнь попрежнему пуста, а дары технического прогресса не соответствуют созданному нами миру иллюзий.

Дары технического прогресса в определенном смысле превратились в символы престижа, раскрывающие наше место в обществе и определяющие нашу дальнейшую судьбу. Например, в Беверли-Хиллс автомобиль, который вы водите, определяет школу, где вы учитесь, ваших друзей, ваши взгляды и некролог, который вы получите в конце жизненного пути.

Широкое проникновение технического прогресса в жизнь дает странные плоды, совсем иные, чем те, которые прочили ученые и философы прошлого. С давних времен техника рассматривалась как орудие власти человека над природой. Но по иронии судьбы процесс развития техники подчас оборачивается против самого человека. Создается впечатление, что у нее своя собственная жизнь, непонятная и неподвластная нам, а между тем мы уже зависим от нее в самых насущных вещах.

Миф о технологии создал иллюзию, что все возможно, даже всеобщее вечное блаженство. Тем самым миф усилил нашу зависимость от машин и как следствие дегуманизировал отношения между людьми. Мы отдали технике значительную часть собственной власти. Мы полагаемся на нее в решении тех проблем, которые не способны разрешить сами. Если нам не нравятся полученные решения, мы объявляем несовершенной заложенную программу, нам и в голову не приходит искать ошибку в себе самих.

Мы все больше зависим от машин, мы наделяем их все большей властью над нами, но в конце концов они только продолжение нас самих! Машины значительно облегчили нам переработку информации, но при этом нам стало еще труднее отличить тривиальные факты от важных. В определенном смысле технический прогресс заставляет нас опасаться последствий тех решений, ответственность за которые мы не желаем брать на себя.

Мы хотели бы включать программы своей жизни на манер того, как включаем телевизор, но жизнь не механизм, и технические рецепты лечения наших болезней неотвратимо кончаются разочарованием.

Мифы окружают новейшие виды оружия, от которых зависит будущее планеты. С одной стороны, разрушительная сила этого оружия создает баланс ужаса, взаимного страха перед его применением. С другой стороны, гипотетическая возможность ядерной войны дает реальные плоды в политике. Угрожающее бряцание оружием подкреплено силой стратегических ядерных ракет. Только воля человека способна изменить создавшееся положение, только воля человека способна преодолеть миф о технологии, гипнотизирующий нас огромными возможностями и одновременно повергающий в отчаяние своей несбыточностью.

В XII веке считали, что жизнь мерзка, жестока и кратка. Можно продолжить, что благодаря научно-техническому прогрессу жизнь теперь долгая, комфортная и бессмысленная. Как привести смысл в комфортную жизнь? Ответ очевиден, стоит присмотреться к тем разочарованным, у которых есть все, что может дать потребительский мир; к тем, кто в наш век самолюбования добился всеобщего внимания, к диско-королям и королевам, изнашивающимся к тридцати годам. Смысл нельзя найти в удовольствиях, лежащих на поверхности жизни. Лишь понимание того, что мы только частицы огромного общего, может дать нам нужное направление в поисках смысла. Чтобы найти себя, человек должен выйти за пределы собственного Я.

Перевел с английского В. СИМОНОВ





БАЛ, ВЕК XIX...

Изабелла БРИКАР,
французский историк

— Стойте все время подле меня, головой по сторонам не крутите и громко не разговаривайте, ждите, когда вас пригласят. Если вы не ангажированы, обязательно дайте свое согласие; отказывая, ни в коем случае не делайте этого в категоричной форме. Возраст для вас должен быть совершенно безразличен. И молодые, и уже не очень молодые люди должны быть для вас абсолютно равны.

— Да, маман...

— Именно, и молодые, и немолодые. Отказ одному кавалеру лишает вас права танцевать со всеми остальными, не то, бедное дитя, ваш поступок может получить нежелательную огласку и поставить под удар не только вашу репутацию, но и подвергнуть опасности жизнь вашего отца и брата. Сколько дуэлей было из-за этих отказов! Подумайте об этом хорошенько.

— Да! Да, маман...

— Если вы пообещали кому-то танец и потом получили новое приглашение, с чрезвычайной вежливостью поблагодарите и укажите причину вашего затруднительного положения.

— Но, маман, если я растеряюсь, забуду и пообещаю танец сразу двоим, что тогда?

— Поспешите уладить с кавалерами это недоразумение и откажите теперь и тому и другому. Это единственное, что может извинить вашу девичью забывчивость... И к тому же, дочь моя, на то у вас бальная книжка, чтобы избежать такого рода неприятностей, не забывайте про нее...

Когда ваш кавалер с вами заговорит, не опускайте глаз, это будет воспринято как аффектация, но и не смотрите ему прямо в лицо, это неучтиво. Лучше всего, если вы будете смотреть партнеру на плечо.

— Хорошо, маман...

— Танцуя, не поднимайте край вашего платья слишком.

— Да, маман...

— Постарайтесь не потерять веер, между выходами вам не придется думать, что делать с вашими неловкими руками и как укрыться от нескромных взглядов.

Если паче чаяния мы с вами разлучимся и кто-то из кавалеров позволит себе обратиться к вам, вы будете отвечать ему так, чтобы вас хорошо слышали все, кто стоит рядом. Никаких уединенных бесед! И ни в коем случае не делайте своих замечаний о партнерах других дам вслух! Вы меня поняли?

— Да, маман.

...Иллюминация заметна издалека, длинные вереницы упряжек, фиакры, только что доставившие все эти кружева. Еще утром бальные платья из модного ателье м-ль Пальмир с улицы Гранд-Бательер лежали в огромных коробках во всю их длину, цветы, украшающие прически, еще не были куплены в мастерской м-м Наттье на Нев-де-Пти-Шан. До обеда в комнатах мадам и мадемуазель суетились парикмахеры.

О, парикмахеры, «профессора», так их называли! Великие Ипполит и Плэзир, Эдуард и Маритон! Боги, нужные всем женщинам сразу и одновременно,— бал! Не успевая с заказами, они посылают безвестных своих ассистентов и «головных уборщиц» начать работу, выстроить шиньон, способный не разрушиться в галопах, чтобы самим вихрем ворваться в последний момент и благословить рукой мастера творение подмастерья.

Для мадемуазель — прическа с вплетенными дубовыми листьями, или лилиями, или полевыми цветами.

Для мадам — с крохотными подрагивающими перьями...

Мать лихорадочно поправляет складки на платье дочери, ленту, прядь, выбившуюся от езды. Последний совет:

— Теперь держитесь прямее и улыбайтесь, у вас красивые зубы!

Что это за чудо, первый бал! Сколько поэзии в этих танцах, во всей этой музыке, цветах, огнях, в этом пронизанном запахом духов горячем воздухе, от которого поминутно бросает то в жар, то в холод. Какое счастье слышать, как шепчут вокруг тебя: «Она красива!»

Как далек теперь покой монастыря, запах плесени и святой воды в его часовне, звуки гимнов и улыбки святых сестер! Здесь улыбаются по-другому. И, улыбаясь, оценивают достоинства лица, походки, платья. Слова гудят, переливаются от одной группки — тех, кто уже появлялся в свете,— к другой, где такие же, как она, кто только еще входит в него. За ней наследство? Какие у нее «виды»? Глаза, талия, зубы выносятся в дебет или кредит новенькой, которую тут же «котируют», как акцию на бирже, в зависимости от того, сколько сегодня девушек на выданье, и учитывая, что с каждым годом сегодняшняя дебютантка по арифметике бала теряет 25 процентов шансов выйти замуж в течение первых пяти лет и по 50 процентов — во все последующие годы, если только ее не спасет внезапное наследство.

Наша молодая особа ни на шаг не отойдет от матери. Молодых ветрениц, прогуливающихся группками по залам, одиночек, осмелившихся подойти к буфету, осуждают. Даже если девушка сирота и ее сопровождает отец, она незамедлительно поручается заботам какой-нибудь почтенного возраста дамы, к которой девушка будет весь вечер проявлять те же знаки внимания, как если бы это была ее мать.

Но первое приглашение! Молодой человек здорова-

ется с мадам матерью и произносит заветные слова, столь часто слышавшиеся во сне. «Не соблаговолит ли она сделать ему честь предоставить ему следующий танец?» Не соблаговолит?! (Заметьте, что любая иная формулировка, к примеру сказать, не «честь», а «удовольствие», будет оскорбительна.) Мадемуазель справляется для формы в своей бальной книжке в перламутровом чехле и заносит туда имя претендента или просит его написать самому. Она обязана этому первому в своей жизни кавалеру, как и всем последующим, изящной безмолвной благодарностью: «...вы знаете, как это бывает: грациозно наклоняется талия, стеснительно опускаются плечи, подхватывается край платья, улыбка на приоткрытых губах, и, как водопад, жемчужины его комплиментов...»

— Месье, не будучи ангажированной на следующий танец, я имею честь предоставить его вам...

И под взглядом матери, нервы у которой натянуты до предела, шаг. В зал. Прикосновение руки в перчатке к его плечу.

Что это будет, кадриль, полька или вальс? Это важно.

В период Реставрации (1815—1830 годы.— *Ред.*) был контрданс (от английского country dance) и французская кадриль. Их целомудренные и благопристойные фигуры сводили отношения между партнерами к касанию пальцев, и то невероятно деликатному.

Манера танцевать — «паркетное шарканье». Романтической моде было угодно, чтобы меланхоличность и утомленность обрели себя и в хореографии. Мода — это политика: если б при Бонапарте «шаркали», теперь бы, наоборот, скакали.

В годы правления Луи-Филиппа контрданс сдал позиции; монотонность его пяти фигур приелась самым терпеливым. Кадриль все еще держится, к великой радости тех молодых особ, которым не разрешают «резвые» танцы, и к облегчению менее молодых, переводящих дух между вальсом и галопом.

Галоп, вошедший в моду в 1825 году, имел тот недостаток, что в своем беспорядочно веселом хороводе он увлекал юных особ и молодых людей слишком далеко от присмотра матерей, чем вызывал недовольство моралистов, хотя куда меньшее, чем полька, которой он уступил паркет начиная с 1844 года.

На долю польки выпала популярность, которую не знал ни один вальс, особенно в среде горожан и буржуазии. Мораль, правда, ничего утешительного для себя в ней не обнаружив, навесила на польку заодно с похожими на нее скоттишем и мазуркой ярлык «хореографического сквернословия, которое, являя чудеса виляния бедрами, способствует подогреванию тайных страстей». Однако ничто и никогда так не распаляло пуритан, как неприличный до крайности танец: вальс.

Привезенный из Германии в начале XIX века, он долго ютился по задним комнатам, прежде чем ворвался в самые передовые салоны. При французском дворе вальс оставался запрещенным еще в 1820 году. И потом долгое время слыл у недоброжелателей уделом «женщин за 35», характеристика, предназначенная для тех, кому еще нет 20. Прозрачный намек на то, что в этом сближении партнеров есть нечто чересчур фривольное для скромной молодости, а сила вращения, отталкивающая их друг от друга, слишком мала, чтобы служить надежной гарантией праведных нравов. Танцевать или не танцевать вальс стало демаркационной линией между легкомысленными и мало заботящимися о репутации и теми, кто жаждал сохранить свою добропорядочность. Матери предпочитали вывозить дочерей на балы, где не признают «судорожных объятий» вальса, который даже Виктор Гюго обвинял в том, что в его вихре с женщин и цветов срывается прелесть чистоты.

Во времена Июльской монархии (1830—1848 годы.— *Ред.*) вальс все еще страдал от дурной репутации, тем более что с недавних пор его стали танцевать быстрее на два счета, и медицина, спеша на помощь морали, инкриминировала ему: «Круговые движения вальса вызывают приток крови к основным внутренним органам: сердцу, легким, мозгу и нередко приводят к смертельным исходам». В доказательство приводился случай в салоне баронессы Т., где во время вальса молодой человек неожиданно заметил, что с каждым вращением мадемуазель Де Д. все тяжелее повисала на его руке. Оказалось, она была уже мертва. Для аббата Кнели, читаем в его мемуарах, этот случай имеет только одно объяснение: вальс убивает!

...Итак, она не сводит глаз с эполета своего партнера, а тот, в свою очередь, изо всех сил старается избежать слишком личной беседы. Лучше всего говорить о том, как душно в зале, после чего завязывается традиционный бальный диалог, состоящий только из вопросов и ответов:

— Да, месье.— Нет, месье.— Вы очень любезны, месье.— Месье, я не знаю.

Вот, по сути, весь реестр фраз хорошо воспитанной молодой особы, да еще вариации на тему последней фортепьянной пьесы, которую она разучивает, и картин, виденных на последнем вернисаже.

Но в большинство разговоров не входят и эти вариации, если судить по диалогу Аньес де Левен с одним из ее партнеров на балу: «Он задал мне все возможные банальные вопросы,— пишет она.— «Нравится ли этот бал?» — «Да, месье». Не устала ли я? — «Нет, месье». Люблю ли я танцевать? — «Не очень, месье». Разговор затягивался, и этот бедный месье, считая себя, очевидно, из вежливости обязанным что-то говорить, ломал себе голову, что бы спросить более подходящее для разговора; упрекая себя за свой лаконизм, я тоже принялась искать, что бы сказать, и после некоторых усилий нашла; я спросила, который час? Он страшно обрадовался, поспешно достал свои часы, стал сравнивать их с часами в зале и сообщил, что сейчас полночь, но в зале часы спешат на 10 минут...»

После каждого танца девушку с благодарностью возвращают матери. Разговор, если такой имел место, на этом должен прекратиться. Если мадемуазель устала и хочет пропустить тур, она перемещается вместе с матерью во второй ряд гостей, куда кавалерам вход воспрещен.

Некий любитель статистики забавы ради подсчитал, что если измерить все па и фигуры, которые проделывает за одну ночь наша молодая особа, то к рассвету она должна оказаться за 30 лье от своей матушки. И это, подкрепившись единственным пирожным — у буфета задерживаться дурной тон — и оршадом. Этот напиток теперь не сыщешь даже в буфете кунсткамеры — миндальное молоко с сиропом и цитрусовыми.

Скорее еще один оршад перед котильоном!

Своим названием этот благородный танец обязан старой песенке, в которой шла речь о котильоне, нижней юбке у французских крестьянок (!). Теперь котильон — заключительный аккорд бала, его гимн и фейерверк. Все танцы, исполнявшиеся в эту ночь, сливаются в нем воедино. И этому хореографическому фейерверку нужен герой: железные мускулы и неистощимая фантазия. Таких в Париже знают наперечет.

Выбрав себе партнершу, способную разделить с ним тяжкое бремя славы, он бросается на штурм настежь отворенных, всех до единой, в залах дверей, предаваясь невозможным хореографическим фантазиям, где полька, скоттиш, мазурка, галоп, вальсы, кадрили и невероятные па, которые по очереди повторяют остальные пары. И бал, подходивший к концу, вновь обретает отчаянную силу.

В последней фигуре котильона каждая пара с поклоном проходит мимо хозяйки дома, значит, бал окончен, и, более уже не прощаясь, гости разъезжаются по домам, имея в виду нанести гостеприимному дому визит вежливости в ближайшие две недели.

Но не все. Кому-то еще нужно перевести дух, отойдя к окну, или в уединенном кресле. И благовоспитанный партнер будет обязан оставаться рядом, и кто знает, о чем может зайти разговор. «Мы находим все это крайне малопристойным,— пи-

шет все тот же аббат Кнели,— лучше сказать, все это более чем безобразно!» Котильон.

По этим причинам молодым особам не всегда разрешалось участвовать в безобразии. И хотя к концу века запрет на котильон был снят, он сохранил за собой привкус запретного плода, и по возвращении дочери домой вопрос «С кем ты танцевала котильон?» папá будет задавать особенно настойчиво.

Да, кстати, а какая роль во всем этом папá? Почему он засиделся у себя в кабинете почти до утра? Папá подсчитывает: бальный туалет — 700 франков (его положено менять через каждые четыре-пять балов). На один сезон 6300 франков.

Если выйдет замуж через два года — с перчатками и фиакром это составит тысяч двадцать.

А как не через два?

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

БАЛ, ВЕК XX...

Хорст НАЙСЕР,
западногерманский социолог



Единственное место, где молодежь хоть раз в неделю, в субботу вечером, находит жалкое подобие взлелеянного в мечтах иллюзорного мира,— коммерческая дискотека. Молодой человек или девушка, собираясь на танцы, всячески украшает себя — создает себе как можно более яркую «упаковку». Коммерческая дискотека в ФРГ специализированно направлена на усиление внешнего эффекта: слишком громкая музыка, которая не дает возможности поговорить, мерцающее освещение, маскирующее недостатки внешности. Прекрасная почва для создания иллюзий.

Паула, шестнадцати лет, ученица гимназии: «Когда я собираюсь на дискотеку, у меня такое чувство, будто я отправляюсь на поиски чего-то такого, о чем давно мечтала. Я не могу сказать точно, что имею в виду... Но ведь у каждого есть, наверное, какие-то мечты, и каждому хочется, чтобы в один прекрасный миг эти мечты сбылись. А конкретнее: хотелось бы найти кого-то, с кем можно было бы поделиться мыслями, рассказать о своих проблемах. Найти кого-то надолго. Ну, короче говоря, найти друга. Где же я еще могу с кем-нибудь познакомиться, если не в дискотеке? Всякий раз идешь и в глубине души надеешься: сегодня он непременно там будет, он просто ко мне подойдет — и мы поймем друг друга. Несколько раз было что-то похожее. И я уже думала, ну вот теперь-то я его нашла... но все оказывалось ненадолго».

Отчего воцарилось всеобщее «ты» в обращении друг к другу? Разве не символизирует это «ты» доверие и дружбу даже там, где нет ни того, ни другого? Как хочется — пусть даже в чисто внешних признаках — видеть взаимопонимание, поддержку и защищенность. Реальная жизнь, разумеется, не представляет больших возможностей для воплощения этой мечты.



Хано, шестнадцати лет, безработный: «Нужно иметь деньги. Такой, как я, не имеет никаких шансов. По-моему, это мерзко. Бывает, целый вечер торчишь в дискотеке и наблюдаешь. Появляется этакий тип с монетой. Их сразу видно. Ему стоит только осмотреться, и он тут же подруливает к любой девчонке, которая ему приглянулась. И если тебе особенно не повезет, он высмотрит именно ту, с которой ты сам танцуешь. Она от тебя попросту отваливает, а ты остаешься стоять как столб. Как это делается? Просто и быстро: подойдет к ней, скажет пару слов, купит ей коктейль, еще коктейль и — привет! Меня тошнит от этих типов. Против такого не попрешь. Но уж зато, когда я сам буду делать большие деньги...»

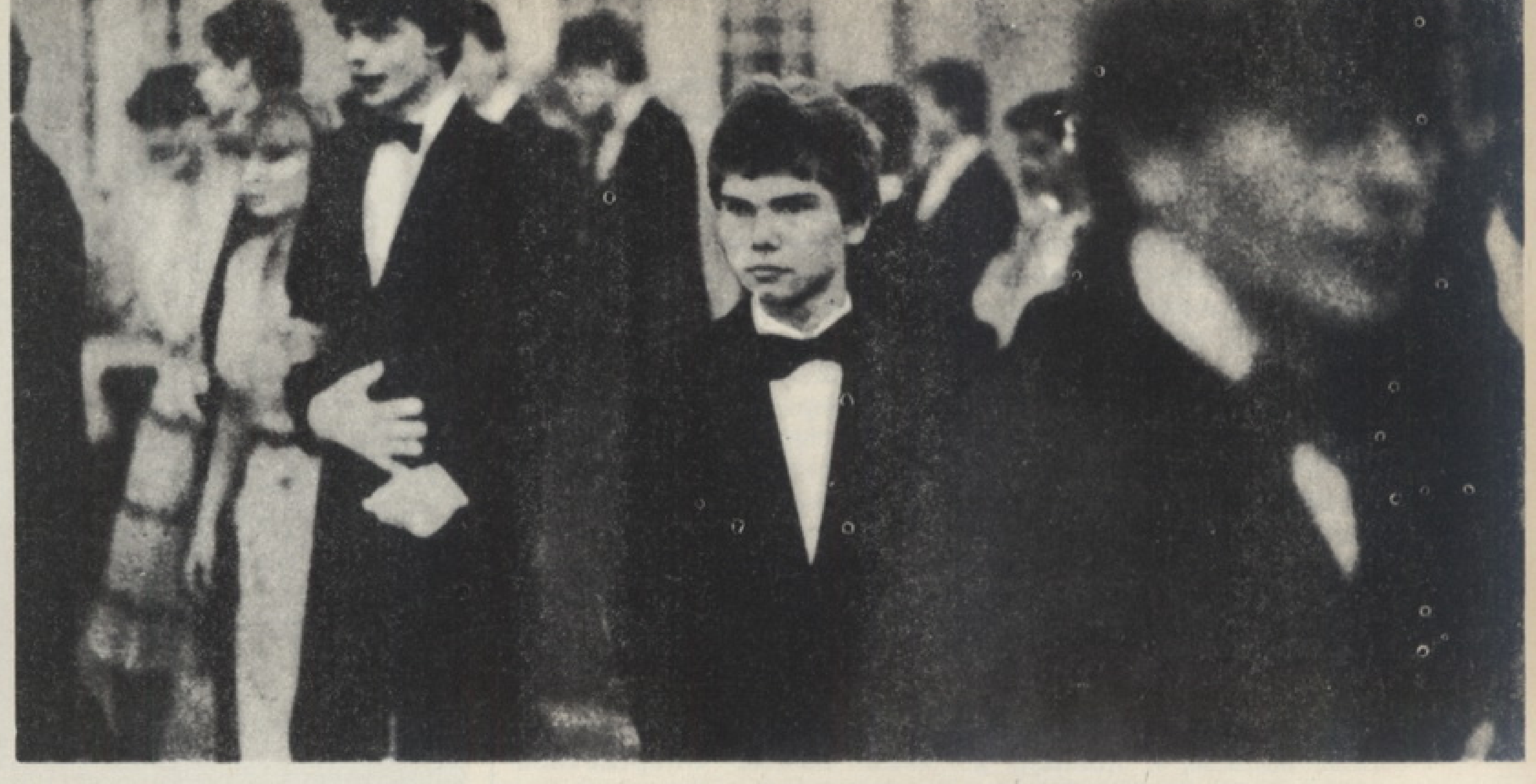
Создается впечатление, что все более необязательными, поверхностными становятся отношения между людьми. Усиливается обостряется чувство одиночества. Ты независим, но и не нужен.

Микки, семнадцати лет, служащая в конторе: «Познакомишься, например, с симпатичным типчиком. Потанцуешь с ним, сначала такие быстрые вещи, потом что-то медленное, плавное. Сверкает цветомузыка, атмосфера интимная, начинается блюз... Все очень мило. Ну, все они обычно договариваются о новой встрече. Ты сначала говоришь «да» и очень радуешься. Думаешь: у тебя появился друг и все такое. Но так думаешь только поначалу. А потом понимаешь: все сплошные иллюзии. Вообще, сначала у тебя совсем еще нелепые представления. Девочкам обычно хочется быть с этим типом навсегда, потому что он такой милый, или кажется тебе таким милым, или старается так выглядеть. А на самом деле обычно это уже опытный парень, и ему просто доставляет определенное удовольствие иметь дело с неопытными девчонками. Но ты ведь не можешь этого знать. Не хочешь верить, и все. А пройдет неделя — его уж и след простыл. Или даже раньше... Ну, конечно, сначала просто жить не хочется. У меня даже есть несколько знакомых девчонок, которые наглотались таблеток, но их вовремя откачали. Я их хорошо понимаю. Со вторым приятелем уже становишься реалистичнее. И вовсе не надеешься на то, что с ним может получиться что-то серьезное. Исходишь из того, что это ненадолго».

Правила потребительства проникли в отношения между людьми. Зачем латать, чинить и исправлять? Не функционирует, то есть не радует, значит — долой! Прочь все, что требует нашего участия, прочь все мешающее нашим развлечениям. Долой дружбу. Долой любовь...

Перевела с немецкого
Г. ЛЕОНОВА





ПТУ В СМОКИНГАХ

Рудольф КРЖЕСТЯН, чехословацкий журналист

Одна из самых популярных в Праге школ бального танца — на набережной Влтавы, возле Национального театра. Когда-то здесь учились полькам и вальсам дедушки и бабушки; сменив джинсы и кроссовки на бальные платья и смокинги, старательно кружатся теперь под счет «и раз-два» внуки и внучки. Что привело их сюда? И кто они — эти внуки и внучки?

Говорит Душан КОНЕЧНЫ, учитель танцев:

— В ЧССР в школах бальных танцев занимается более ста тысяч молодых людей и девушек. Насколько я знаю, нигде танцевальные классы не получили такого широкого распространения, как у нас. Хотя я лично ничего не имею против новых танцев, но, по-моему, бережно ведя даму в вальсе, молодой человек чувствует себя бóльшим рыцарем, чем, скажем, демонстрируя свой атлетизм в брейк-дансе. И в сегодняшних танцклассах мы учим не только хорошо танцевать, мы учим, не улыбайтесь, хорошим манерам. Некоторые люди под хорошими манерами понимают нечто жеманное, старомодное и, по нашим нынешним представлениям, смешное. На деле все обстоит совсем не так. Умение себя вести необходимо не только на молодежном бале, а главным образом в повседневной жизни: в школе, училище, в семье, на работе, в автобусе. Не так важно, правильно ли парень шаркнул ножкой, приглашая девушку на вальс, важно, чтобы не отодвинул ее локтем, садясь в трамвай. Мы надеемся, что, привыкнув быть кавалером в танцклассе, молодой человек останется рыцарем в быту, а девушка не позволит себе «дурного тона» ни в платье, ни в поведении...

Разговор со Станиславом ГУБИЧКОМ, 17 лет, учащимся торгового училища:

— Приятно посмотреть, как ладно у вас все получается. Так было с самого начала?

— Ой, нет, поначалу все было плохо. Пришел на занятие, как в воду упал — ничего не получается, не могу в такт двух шагов сделать. А потом стало получаться. Жалко только, что мне все время приходится догонять. Вечером в пятницу, когда здесь занятия, у меня практика в магазине-школе, хорошо еще, что не каждую пятницу.

— Вам нравится профессия продавца?

— Вы не поверите, но я с детства хотел быть только продавцом!

— Как вы считаете, правила поведения, которым вас учат во время уроков танцев, пригодятся в вашей профессии?

— Еще бы! Предупредительность в нашем деле — главное. Да и умение двигаться за прилавком так, чтобы не походить на слона в посудной лавке, многого стоит.

Разговор с Вендулой МИКШОВИЦОВОЙ, 16 лет, учащейся гимназии:

— Мне очень хотелось научиться танцевать, но, когда наступила та первая пятница занятий, я испугалась.

— Почему?

— А вдруг не получится, все будут смеяться... Ну а вышло все хорошо, и я успокоилась.

— Вы любите танцевать?

— Если парень ведет в танце уверенно и все мои ошибки как бы предвидит и предупреждает, тогда я люблю танцевать.

— О чем вы разговариваете во время танцев?

— Почти всегда спрашивают, где работаю, я отвечаю — хожу в гимназию, потом оба посмеемся, какие мы неуклюжие, а там уж пойдет, и говорим обо всем, что интересно.

— Вы можете угадать, кто студент, а кто из промышленного училища?

— Нет, главное отличие — кто как себя ведет. Здесь со мной ни разу не было, чтобы подошел подвыпивший и пригласил танцевать, а в дискотеке—один раз так было — подошел приглашать, а от него — как из пивной бочки. Я больше туда с тех пор не хожу.

— А бывало с вами так, что вас никто не пригласил и вы остались стоять одна?

— В этой школе хорошая система: ребят набирают больше, чем девушек. Некоторые ребята отсеиваются, и нас остается поровну. Так что так не бывает, чтобы никто не пригласил...

Разговор с Яном ПАВЛОМ, 15 лет, учащимся промышленного училища:

— Вы сами решили прийти сюда или родители заставили?

— Нет, все было не так. Наша компания — шесть ребят и четыре девушки — занимаются в туристском клубе, мы вместе ходим в походы. Наши девчонки решили пойти в школу танцев, и мы за ними.

— И как? Вам здесь нравится?

— Ничего. В туристском походе, конечно, лучше (смеется).

— Костюм, который на вас, вы купили специально для танцев?

— Да. Это мой первый костюм. Когда его надел, посмотрел в зеркало — вроде как не я. Теперь уж привык. Мы с мамой, когда покупали, решили, что я могу в нем и вступительные экзамены сдавать, и в других торжественных случаях носить.

— А где вы учитесь?

— На каменщика. После училища хочу еще на курсы пойти, чтобы стать каменщиком-реставратором. Это для каменщика — высший пилотаж.

— Вы считаете, что занятия в школе танцев вам пригодятся?

— В целом да. Человек, который умеет танцевать, не выглядит как мешок с тряпьем.

— А какой из танцев вам нравится больше всего?

— Ча-ча-ча. Темп и темперамент.

— Как бы вы ответили на вопрос: «Зачем, собствен-

но, ходить в школу танцев?»

— Чтобы не быть тюфяком.

— Какая музыка вам ближе?

— Кантри. Под нее можно и танцевать, и просто слушать. Но слушать надо тоже уметь.

Говорит Душан КОНЕЧНЫ, учитель танцев:

— Я преподаю в этой школе уже несколько лет и замечаю, что у городских ребят пластика год от года хуже. Причины разные, но факт остается фактом. Я считаю, что занятия танцами эту беду могут отвести. Мы разучиваем и традиционные вальсы, и польки, и современные новинки — все, что развивает способность хорошо двигаться. Вы знаете, сколько времени уходит, чтобы научить ребят и девушек держать прямо спину, не сутулиться? Если молодые люди мало двигаются, не занимаются физкультурой, они или разболтанные, как паяцы на веревочках, или скованные. Это плохо не только с эстетической точки зрения, это плохо для здоровья, и физического, и психического. Молодые, которые не умеют легко и свободно двигаться, сторонятся компании своих сверстников, чувствуют себя ущербными, у них портится характер.

Разговор с Радомиром ПРУШЕЙ, 17 лет, учащимся гимназии:

— Почему вы ходите в школу танцев?

— Мама заставила.

— И какие же доводы она приводила?

— Странно, говорит, когда молодой человек не умеет танцевать.

— Что же, она была права?

— Вообще-то некоторый смысл в моих занятиях есть.

— Как вы думаете: то, чему вы научились здесь, пригодится в дискотеке?

— Конечно. Здесь мы получаем основу, фундамент, поэтому можем легко научиться любому новому танцу.

— Какие у вас планы на будущее?

— Кончу гимназию и буду поступать в педагогический, хочу преподавать историю и географию. История — мое хобби.

— А чем вас привлекает история?

— Каждый человек обязан хорошо знать историю, только тогда он понимает современность и не боится будущего.

— После танцев вы чувствуете себя усталым?

— Я, когда иду сюда, чувствую себя усталым, а здесь, если попадется хорошая партнерша (смеется), усталость проходит.

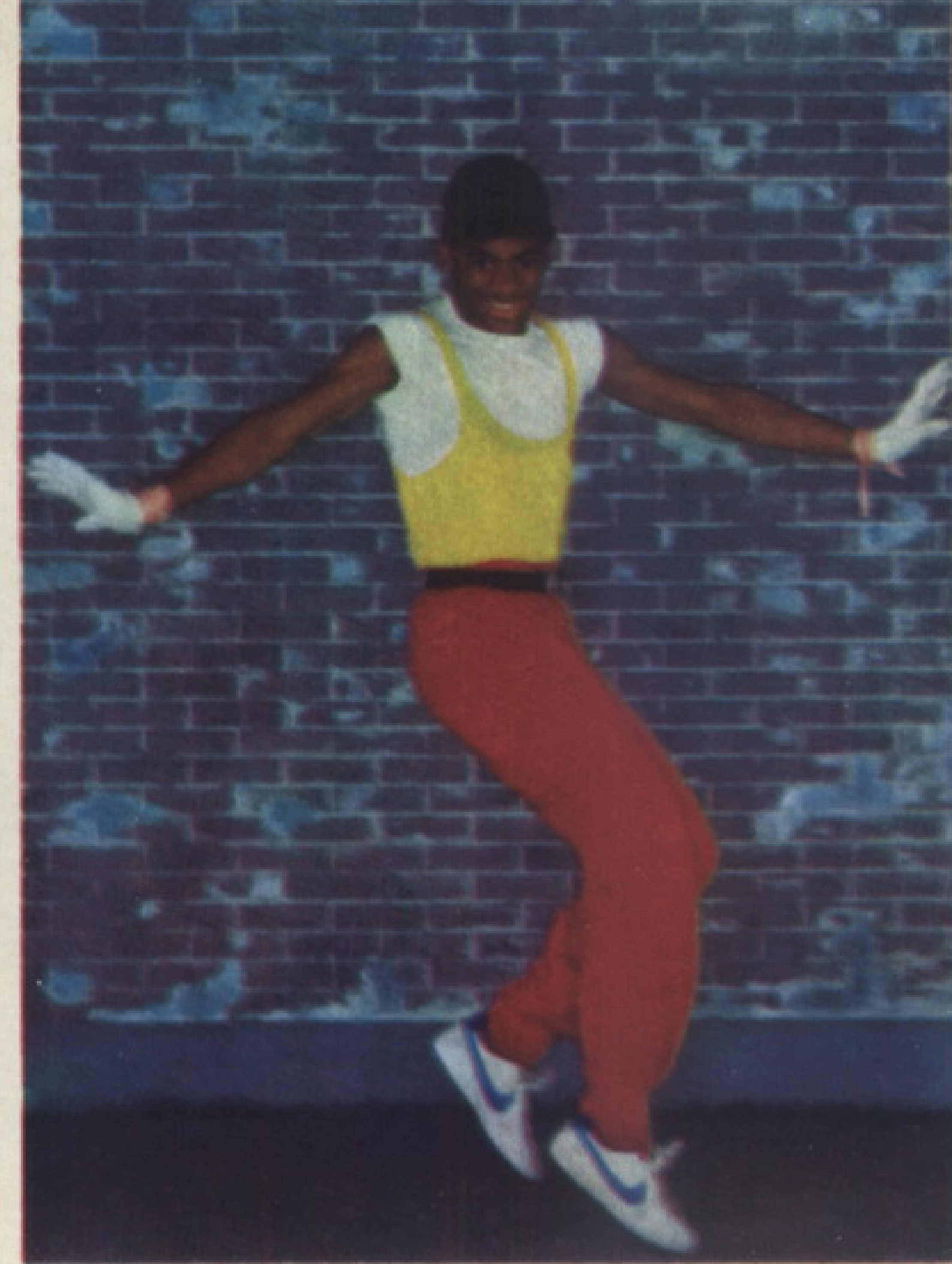
Говорит Милада ТЛАХОВА, помощница учителя танцев:

— Я учусь на факультете архитектуры, занималась в этой школе, а потом преподаватель выбрал меня в помощницы. Я люблю танцевать, но способности у меня самые посредственные: неважный музыкальный слух, пою фальшиво, а раньше и с ритмом тоже была не в ладах. Поначалу на уроках я все время была в напряжении, чтобы танцевать под музыку, а не как придется. А потом после десятого-двенадцатого урока вдруг все само пошло. Поэтому меня злит, когда говорят: я, мол, неспособная к танцам, никогда не научусь. Если это вбить себе в голову, конечно, не научишься. Мне танцы помогли избавиться еще и от всяких страхов: например, если мне раньше надо было пройти мимо людей, которые, как я думала, только и смотрят на меня, у меня ноги подгибались, а войти в комнату, где много народу, было просто наказанием. Сейчас я куда смелее.

Говорит Душан КОНЕЧНЫ, учитель танцев:

— Если парень выпил хотя бы кружку пива, я его к занятиям не допускаю. Такое у нас правило, и все с ним согласны. У каждого, кто занимается в нашей школе, есть ученическая карточка, в тех случаях, когда я не допускаю учащегося к занятиям, я отрываю у карточки один угол, четыре оторванных угла означают исключение из школы. Но таких случаев в моей практике не было. Исключать никого не приходилось. Я, конечно, не питаю иллюзий, что все мои выпускники всегда будут образцово себя вести, но ведь что-нибудь от наших уроков все же останется...

Перевела с чешского
Д. МИХАЙЛОВА







«Глиссад, двойной глиссад, шассе и круазе; он щелкает пальцами, выбрасывает колени, вывертывает ноги, кружится на носках и на пятках, будто для него ничего не существует, кроме пальцев музыканта, бьющих в барабан и бубен; он танцует, словно у него две левых ноги, две правых ноги, две деревянных ноги, две проволочных ноги, две пружинных ноги — всякие ноги и никаких ног,— и все ему нипочем».

Перед вами отрывок из «Американских заметок» Чарлза Диккенса. В 1842 году писатель посетил Нью-Йорк, и в одном из клубов Манхаттана его внимание привлек чернокожий танцор, исполнявший танец, который хозяин назвал обыкновенным брейк-дауном.

В 1698 году французский миссионер в Конго описывал танец местных жителей, в котором они повторяли движения птиц: «Танцоры двигались на полусогнутых ногах, вывернув колени внутрь, похлопывали себя по бедрам и груди, прищелкивали пальцами, создавая дополнительный ритм».

Три века спустя, год 1969-й. На сцене нью-йоркского «Медисон-сквер-гарден» — «король» музыки соул Джеймс Браун. Журналист описывает его танец: поразительное сходство с тем, что описано Диккенсом и французским миссионером,— скользящая походка, вывернутые колени.

В конце прошлого века был снят коротенький киносюжет «Танец трех»: один чернокожий играет на губной гармошке, второй отстукивает ритм, третий же исполняет «обыкновенный» сегодняшний... брейк-данс — те движения, для обозначения которых у народов, населявших Конго, были специальные термины. Вы, наверное, видели у брейк-дансеров такое движение: один из танцоров начинает заваливаться назад, другой в последний момент подхватывает его — в Конго это па называется «лист, который никогда не падает». Да и сама последовательность в брейк-дансе — прыжок, шаг, выпад — почти точная копия конголезского ритуального танца нсунса.

Тот танец, который сегодня именуется брейк-дансом (иногда его называют «хип-хоп»), возник в нью-йоркском районе Бронкс и свой окончательный вид и форму приобрел примерно к концу семидесятых годов. А в Лос-Анджелесе и калифорнийском городке Фресно в то же время появились







САМЫЙ ДРЕВНИЙ ИЗ МОДНЫХ ТАНЦЕВ

Роберт Фаррис ТОМПСОН, американский историк

специфические движения «электрик буги»: тут опять-таки прямая связь с древней Африкой, где танцоры, дойдя до определенной степени возбуждения, «передавали» свой азарт другим с помощью волнообразных движений рук, и те тоже вступали в танец. Во Фресно стали таким же образом передавать «электрические импульсы» — впечатление такое, будто один из танцующих передает партнеру, ранее стоявшему неподвижно, электрический заряд, и тот тоже начинает танцевать.

Почему современный брейк-данс возник именно в Бронксе? В этом районе Нью-Йорка живут выходцы из разных стран, принесшие свою культуру, но каждый из элементов, брошенных в «плавильный котел», из которого возник танец, был сформирован под сильным африканским влиянием. Во-первых, музыка американских негров — джаз, соул, фанк. Во-вторых, черты ямайской музыки реггей. В-третьих, кубинская музыкальная культура — одним из главных инструментов первых брейк-дансеров были кубинские конги. Пуэрториканцы, также населяющие этот район, принесли элементы своего танца бомба и на его основе в сочетании с основными движениями — прыжок, шаг, выпад — создавали и совершенствовали разного рода «вертушки» и «мельницы».

Почему мы все время говорим о влиянии культуры Конго? Как утверждают историки, из примерно 10 миллионов африканских невольников, доставленных в Новый Свет с начала XVI по последнюю четверть XIX века, около 40 процентов были вывезены из Конго и соседней Анголы.

Это оказало решающее влияние на развитие популярной музыки во всем мире. Под африканским влиянием и при слиянии с другими культурами в Новом Орлеане возник джаз. На Кубе появилась румба, в Бразилии — самба. В Новом Орлеане число конголезцев было так велико, а их танцоры пользовались такой популярностью, что площадь, куда жители города приходили послушать музыку и посмотреть невольничьи пляски, так и назвали площадь Конго.

Между прочим, в конголезской музыке всегда присутствовала концепция «брейка» — сбоя, перескока. Отсюда в сегодняшней гаитянской музыке есть «кассé» — преднамеренное нарушение ритма ударных. На Кубе — «румба абьерта», «выпадание» танцора из ритма. Танцор замирал на мгновение, после чего ритм ударных тоже несколько «смещался».

Но танцы на площади Конго были интересны еще и тем, что продолжались столько, сколько того хотели сами танцоры и музыканты, импровизировавшие, подстраивавшиеся друг под друга. В наши дни в дискотеках танцуют под музыку, записанную на пластинках. А время звучания пластинки ограничено. Как быть?

В 1973 году диск-жокей Кул Герк вооружился парой проигрывателей, на которые ставил два одинаковых диска. Когда первый подходил к концу, уже начинал крутиться второй — так музыку можно было продолжать практически до бесконечности. Это было рождением брейк-музыки. Иногда ее еще называют «музыкой в стиле рэп». Что это такое? Прежде всего рэп избавился от оркестра, вернее, заменил его человеком-оркестром — диск-жокеем. Диск-жокей выбирает музыку произвольно, от самых свежих «хитов» до мелодий из старых кинофильмов. Одновременно работают несколько проигрывателей, подсоединенных к микшеру, плюс ритм-машина. Диск-жокей иногда прямо пальцем тормозит вращение дисков, повторяет какие-то фрагменты, микширует несколько пластинок, словом, создает музыкальный коллаж, в основе которого всегда мощный и зажигательный ритм.

Если диск-жокея считать музыкантом, то есть у музыки рэп и свои вокалисты, тоже весьма своеобразные, потому что рэп — это не пение, а начитывание речитативом под музыку рифмованных текстов.

О чем же тексты? Говорит Кертис Блоу, один из наиболее известных исполнителей рэп:

«Часто бывает так: ритм создается отличный, а сказать нечего, вот и начинают плести разную рифмованную чепуху, в основном что-нибудь о себе: раз-два, три-четыре, кто самый лучший рэпер в мире? Три-четыре, раз-два, лучший в мире рэпер — я!»

Но не будем забывать, что рэп родился в недрах Бронкса, где сама жизнь — повод слагать горькие и гневные строки. Рэп-тексты бывают очень острыми. Лучший пример такого рэпа — «Послание», которое исполнял Грандмастер Флэш. Не случайно эта вещь, записанная на пластинку, заняла первое место в хит-параде журнала «Роллинг стоун» в 1982 году.

К 1981 году, когда была опубликована первая статья о брейк-дансе, этот танец окончательно обрел свою форму, четкую последовательность движений и фаз: появление танцора (скользящие шаги), брейк (танцор резко падает на землю, опираясь на руки), вращение (на спине, голове, плечах, руках), «застывание» и, наконец,— финал (танцор возвращается в вертикальное положение). Кстати, все эти «вертушки» тоже взяты из африканских танцев. В одной глухой деревушке на реке Конго я видел окруженного толпой ликующей детворы парня, который вращался над землей, опираясь на руку, и вдруг застывал, словно изваяние. На кубинской гравюре прошлого века изображен чернокожий танцор во время праздника. Его поза словно кадр из фильма о современных исполнителях брейк-данса.

Конечно, невероятные акробатические номера нынешних брейк-дансеров отличаются от танцев древнего Конго: прошли века, над новым танцем работали многие изобретательные виртуозы. И все же нет-нет да и хочется вновь перечитать «Американские заметки» Диккенса и представить себе чернокожего танцора, исполняющего «обыкновенный брейк-даун».

Перевел с английского
Л. ЗАХАРОВ

...Всякий, кто хоть немного «чувствует рок», наверняка имеет своих любимцев, будь то в «новой волне» или в тяжелом роке. Что касается меня, то я высоко ставлю группу «Дайр стрейтс» наряду с такими группами, как «Дип перпл» и «Лед зеппелин», которые много сделали, делают, думаю, еще сделают и откроют в роке. Музыка, которую дарит «Дайр стрейтс», говорит сама за себя, говорит о мастерстве исполнителей, но совсем мало о них самих. Познакомиться с ними поближе будет интересно многим, тем более на страницах «Ровесника», так как музыка — один из источников воспитания подрастающего поколения.

В. С. Демян,
рядовой Советской Армии

Марк Нопфлер организовал «Дайр стрейтс» в 1977 году. С этого момента его сценический образ и его жизнь неизменно связаны с гитарой: Марк Нопфлер в студии — гитара в руках, Марк Нопфлер напряженно улыбается в объектив фотокамеры — гитара под мышкой, Марк Нопфлер отдыхает за кулисами концертного зала — гитара на коленях, руки бережно придерживают ее, чтобы не дай бог... Гитара — инструмент Нопфлера, с ее помощью он создает свои композиции, уходящие корнями в кантри-музыку и блюз. В те редкие моменты, когда Нопфлер не занят с «Дайр стрейтс», он пишет для кого-то другого: его попросили написать музыку к двум фильмам, он написал; его пригласили для записи альбомов Боб Дилан, Вэн Моррисон, Брайан Ферри и группа «Стили Дэн» — и он играл, записывал, спорил, опять играл, играл, играл... Знаменитая песня «Наемный танцор» Тины Тарнер тоже создание Нопфлера — он хотел подарить ей это произведение, но она настояла, чтобы на альбоме была отметка об авторских правах Марка. А он смущенно улыбался и говорил, что это такая чепуха, что он завтра напишет еще что-нибудь.

В свои 37 лет он не потерял детской восторженности и умения удивляться. Он может часами стоять у витрины музыкального магазина, рассматривая гитары, восхищенно цокая языком и теребя галстук: будто Марк Нопфлер никогда не видел гитары!

У Марка интересный голос — в первом альбоме группы, который вышел в 1978 году, его голос превращается в ожившее эхо солнечных блюзов хлопковых полей Юга США. Гармония голоса и гитары рисует лирическую картину встречи влюбленных («Ближе к воде»), а в композиции «Султаны свинга» воскрешает в памяти образы выдающихся джазменов прошлого. Музыканты «Дайр стрейтс» настолько виртуозны и даже изощренны, что слушателю кажется: эта музыка написана только для меня, для меня одного! И такое ощущение возникает у каждого, наверное, это и есть настоящее искусство...

Марк Нопфлер родился в 1949 году в Глазго, в Шотландии. Его отец, известный архитектор, венгр по происхождению, был вынужден покинуть родину в период фашистской диктатуры, во время второй мировой войны участвовал в антифашистском движении. Отец — это герой и кумир Марка. Из Шотландии семья перебралась на север Англии, в Ньюкасл. После окончания школы Марк работал репортером в маленькой газетке и одновременно учился в университете. В отличие от многих рок-звезд он его благополучно закончил и получил специальность преподавателя английского языка и литературы. Ему нравилась работа учителя, и некоторое время он читал лекции в колледже. В апреле 1977 года Марк вместе с младшим братом Дэвидом перебирается в Лондон, где знакомится с Джоном Айллсли, будущим бас-гитаристом «Дайр стрейтс». Чуть позже на горизонте появляется ударник Пикк Визер, и они становятся рок-группой.

Дэвид Нопфлер и Визер в конце концов покинули группу, и сейчас, перед очередным турне, она выглядит так: Марк Нопфлер — гитара, вокал; Джек Сонни — гитара; Гай Флетчер, Алан Кларк — клавишные; Крис Уайт — флейта и саксофон, Джон Айллсли — бас; Терри Уильямс — ударные.

Говорить о своей музыке Нопфлер не любит. Но отвечает на вопросы откровенно, честно, иногда замолкает, подыскивая слова. Он понимает — для нас это работа. Он умеет уважать чужую работу.

— Вы сейчас готовитесь к длительному турне. В чем заключается подготовка?

— Во-первых, непрерывные репетиции — мы оттачиваем звучание старых вещей, пробуем новые. Во-вторых, тренировки, настоящие спортивные тренировки: я занимаюсь в гимнастическом зале, работаю со штангой — иначе нельзя, гастроли отнимают много сил, необходимо быть в форме, нельзя расслабляться и предаваться излишествам, в противном случае вы рискуете сойти с круга задолго до конца гастролей. Это работа, физическая работа, и к ней надо быть готовым. Некоторые думают, что музыкант — это какое-то эфемерное создание, живущее в райских кущах, они полагают, что мы отрешенно бродим по беломраморным дворцам, лениво пощипывая струны лиры или что там было у небожителей. В действительности мы вкалываем до седьмого пота, и если организм не подготовлен к такому труду, то нечего и думать об успехе.

Спорт привлекает меня еще и тем, что дает точность движений — качество для гитариста, на мой взгляд, одно из наиболее важных. Иногда мне кажется, что если бы я не стал музыкантом, то, возможно, из меня вышел бы приличный гонщик. А знаете почему? И на сцене, и на треке важно чувствовать меру и не позволить обстоятельствам дурачить тебя — я всегда твержу себе: не принимай желаемое за действительное, и... не принимаю. Это очень важно и в жизни.

— А вам не кажется, что такой прагматичный подход к творчеству делает его похожим на бизнес?

— Если считать искусство делом — а я воспринимаю его именно так,— то в таком подходе нет ничего заслуживающего порицания: дело есть дело, и все не относящееся к нему только портит его. Но отождествлять труд композитора и дровосека я тоже не стал бы: у нас с ним качественно иной подход к ремеслу, и результаты нашего труда находятся в разных категориях ценностей. А прагматизм... Видите ли, если бы мы не были прагматиками, успех раздавил бы нас — я знаю слишком много примеров. Пришлось сознательно собрать все силы и противостоять ему. Точнее, даже не противостоять, а направлять в иное русло — мы сами по себе, успех сам по себе. Причем все это происходило совершенно добровольно. Мы отказались сотрудничать с радиостанциями, хотя, если твои песни звучат по радио, это гарантия популярности. Но, на наш взгляд, в такой популярности есть элемент нравственного падения: мы не хо-



О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

МАРК НОПФЛЕР: «противостоять успеху»

Кен ТАККЕР, Дэвид ФРИК, американские журналисты

тим, чтобы наша музыка звучала в одном ряду с убожеством «АС/ДС» или «Чип трик». Вот если наш слушатель сам поставит на проигрыватель нашу пластинку до или вслед за пластинкой «АС/ДС» — что ж, значит, такая нам цена. Значит, мы большего не заслужили. Но, повторяю, он сам сделает свой выбор. Поэтому мы и сосредоточились на студийной работе. Если вы называете это прагматизмом, то я горд такой характеристикой нашего творчества.

— Вы предполагали, что станете «суперзвездами»?

— Нет. Это просто побочный продукт популярности. Знаете, у обывателя образ парней с гитарами наперевес устойчиво ассоциируется со «сладкой жизнью», именно в этом они и видят «суперзвездность». Лично я сладкой жизни не пробовал, но что такое суперработа, знаю отлично. Я всегда хотел играть в рок-группе, писать музыку. Когда я учился в школе, все мои тетрадки были изрисованы гитарами. Я забегал в мастерскую и часами смотрел, как под рукой мастера кусок дерева превращается в гриф или корпус инструмента. Я до сих пор цепенею от восторга, вспоминая, как впервые подглядел в щелку двери это чудо. Несколько лет я уговаривал отца купить мне гитару, и наконец он сдался,— на пятнадцатилетие я получил от него в подарок настоящий «стратокастер». Гитара стоила целых пятнадцать фунтов, по тем временам очень большие деньги.

— Имели ли ваши родители склонность к музыке?

— Отец неплохо играл на нескольких инструментах, любительски, конечно. Иногда они с матерью пели на два голоса: это бывало нечасто, на рождество или во время народных шотландских праздников. Когда мне исполнилось шесть лет, отец начал учить меня на фортепьяно и виолончели, но, помню, меня ужасно раздражали ноты: поначалу я пытался провести его, и, глядя с умным видом в сборник этюдов, играл на слух, но, когда программа усложнилась, мое жульничество вскрылось, и оказалось, что я не знаю ни одной ноты... Потом я пару лет терзал саксофон, но так и не занялся нотной грамотой — мне представлялось это чем-то непостижимым. Казалось, смысл этих таинственных точек и закорючек навсегда останется для меня загадкой.

И лишь совсем недавно я начал постигать тайну коварных знаков. Я научился из отдельных нот складывать аккорды — это оказалось так же увлекательно, как составлять из букв слоги, а из слогов — слова. Я вновь превратился в первоклассника: я стал слышать ноты! Мой «словарный запас» быстро вырос, я «читал» мелодии, как бывший неграмотный, разинув рот, читает надписи на стенах домов и афиши. И самое главное, я научился записывать свои мысли нотами!

— Как назывался ваш первый ансамбль?

— А у него не было никакого названия — школьная группа, каких в то время было великое множество. В одном нашем классе их было пять. Репетировали — мы так гордились этим делом, ре-пе-ти-ция! — дома, даже сыграли на нескольких школьных вечеринках.

После окончания университета меня пригласили в группу под названием «Брюэрз друп». Это уже было после моего переезда в Лондон. Я числился в их составе около двух месяцев и затем ушел. Их музыка меня совершенно не трогала — они играли традиционный ритм-энд-блюз, но мелодии были такие сырые! К концу этих двух месяцев меня прямо-таки мутило от такой музыки. Но именно тогда я понял, что такое быть профессиональным музыкантом — мы успели дать несколько концертов в колледжах и в клубах. Нас даже пробовали записывать в студии... Сомневаюсь, что хоть одна из этих записей увидела свет.

После того как я ушел от них, дела пошли совсем плохо — я по нескольку дней голодал, нечем было платить за квартиру. Не знаю, чем бы все это кончилось, но, к счастью, один провинциальный колледж откликнулся на мое предложение читать лекции, и меня взяли преподавателем

английской литературы. Там же я организовал группу «Кафе рэйсерс», мы играли в местных пабах и в «моем» колледже.

— Вы, кажется, работали репортером и некоторое время даже исполняли обязанности музыкального критика? О какой музыке вы писали?

— Рассказывал о местных знаменитостях, которых совершенно не знал и не хотел знать, рылся по каталогам и энциклопедиям, когда намечался приезд мировых знаменитостей — этих я знал прекрасно, но хотелось дать читателям как можно больше информации. Последний мой репортаж — о смерти Джими Хендрикса. Я сидел в своей каморке, ко мне влетел заведующий отделом новостей и затарахтел: «Послушай, приятель, какой-то парень Джими Хендерсон, или Джон Хентерс, или черт его знает отдал богу душу. Слышал о таком? Совершенно нет времени, но чтоб через пятнадцать минут у меня на столе был материал, строк двадцать, двадцать пять!» У меня внутри все оборвалось. Что я там наворотил в материале... На следующий день меня уволили. А весь тот вечер я слушал пластинки Хендрикса и плакал как ребенок.

— Как случилось, что после окончания вашего учительствования и репортерства вы снова вернулись в музыку?

— Это произошло как-то само собой, я встретил подходящих ребят, и все завертелось с бешеной скоростью. Не было времени обдумывать происходящее — осуществлялось самое главное: я играл. Но если б вы знали, каких это поначалу стоило трудов! Мы метались по всей стране в поисках ангажемента, получали его совсем не там, где предполагали, постоянно на перекладных — своего транспорта еще не было: автостопом, в кузове грузовика, в легковом автомобиле. Однажды даже ехали на катафалке. Представьте себе картину: ночь, метель, посреди этого воющего и плюющегося снегом ничего — четыре промерзших парня, прикованных к аппаратуре, как галерники к веслам. Теперь прибавьте ко всей этой прелести катафалк с покойником, и вы поймете, что на такое могут пойти только одержимые. А мы и были одержимыми. Но если ныть, жаловаться на неудобства, то вряд ли чего-нибудь добьешься.

— Ваш последний альбом «Братья по оружию» музыкальные критики считают креном в упрощенчество. Возможно, это и не совсем так, но он заметно отличается от ваших предыдущих работ. Чем вы объясните подобную перемену? (Речь идет о более прямолинейных текстах.— *Ред.*)

— Может быть, в чем-то критики и правы, я не отрицаю, что раньше тексты были сложнее, многослойнее, что ли. Но такая усложненность не была самоцелью: видимо, на том этапе она соответствовала моему внутреннему настрою. Сейчас мне кажется, что более непосредственное обращение к слушателю поможет четче и яснее передать ему идею произведения. Иногда надо сказать просто и честно, что ты думаешь по тому или иному поводу. Но порой даже подобную прямоту и честность умудряются так вывернуть наизнанку, что никто не в состоянии отличить правду от лжи. Классический пример — «Рожденный в США» Брюса Спрингстина. Ну что может быть плохого или нечестного в любви к своему народу и к своей стране? Но, оказывается, все можно повернуть таким образом, что остается только руки развести. Рейган вцепился в этот альбом, назвал его символом сегодняшней Америки — видите, пока все нормально, потом он поставил этот символ на одну доску с другим — Рэмбо [1], и все пошло задом наперед. Теперь любой нормальный человек будет только плевать на этот альбом, раз он в одном ряду с Рэмбо. А жаль, Брюс впервые создал действительно стоящую вещь... Мне бы очень не хотелось очутиться в таком же положении.

— А вам не кажется, что в песне «Деньги ради ничего» слишком много откровенного сарказма?

— Один музыкальный критик назвал эту вещь «ударом ниже пояса», может быть, он и прав. Но я хотел сказать, что человек при любых обстоятельствах должен оставаться человеком. Эта песня — обращение к эстетствующим юношам, рабам шелковых халатов и дорогих одеколонов. Они и в роке видят, хотят видеть «искусство ради искусства». Манерность в музыке, манерность в поведении, увлеченность модой — «модные молодые люди», кривляки. Они отворачиваются от реальной жизни, реальных проблем. Они снобы, причем самое смешное — снобы при рок-музыке, которая изначально была против всякого снобизма. А мы, рок-музыканты, мы-то как раз всегда крепко стояли на земле и знали, что нам может встретиться на пути. Об этом и песня, может быть, слишком в лоб, безжалостно. Но жизнь-то не пожалеет таких молодых людей, она не красивая — жизнь. Она простая и тяжелая.

— «Дайр стрейтс» претерпели серьезное изменение состава, и, если связать это со всякими слухами, представляется, что вы деспотичный лидер...

— Таковым себя не считаю, и переубедить вам меня не удастся. Судите сами, если вы диктатор, то сто процентов вашего времени будет уходить на борьбу со скрытой оппозицией, тут уж не до музыки. Если же вы абсолютно безвольны, то вам моментально сядут на шею, и свои собственные сочинения вы сможете разве только насвистывать по утрам под душем. У «Дайр стрейтс» все не так (альбом «Братья по оружию» уже год возглавляет хит-парады США и Великобритании, ни разу не опустившись за это время ниже третьего места.— *Прим. пер.*), наверное, потому, что я золотая середина (смеется). А если серьезно, хотелось бы сбросить с себя административные обязанности и целиком отдаться творчеству. Что я понимаю под творчеством? Например, когда я написал песню и мы начинаем подгонять партии, мы, естественно, хотим, чтобы результат оказался таким, каким мы его себе представляем. Это одна сторона дела. Другая — когда не все идет ладно, у каждого свои дела дома, и все рвутся — и я в том числе — из студии. И вот в этот момент мы говорим себе: стоп! Заметьте, это говорю не я, а мы, и остаемся репетировать до тех пор, пока не получится что-то более или менее похожее на желаемое. Это тоже творчество, даже более творчество, чем то, о чем я говорил вначале, потому что оно пахнет потом.

— Кого из гитаристов вы бы выделили?

— Таких много. Но прежде всего Би Би Кинг [2]. Его роль в развитии современной музыки огромна, а вклад в технику игры на гитаре неоценим. Треугольник — гитара, голос, публика — родился на его концертах. Именно он впервые стал отдавать гитаре партию голоса, гитара издала человеческий крик в нежных руках Кинга. И это был не вопль боли, а тонкий голосок новорожденного, которого приняла повивальная бабка-маэстро. Его гитара была очень чистой, возможно, мне это ближе и понятнее потому, что я сам как певец — категория вторичная, я стараюсь вложить голос в гитару.

— Вы признаны лучшим гитаристом 1985 года. Считаете ли вы свою игру безукоризненной?

— Мне не совсем понятен ваш вопрос, но попробую на него ответить. Видите ли, у меня с гитарой сложные взаимоотношения: стоит мне взять ее в руки, как начинается процесс нашего с ней взаимного обучения, она учится понимать мое настроение, а я — ее. Не так давно меня пригласил для записи альбома Чет Эткинс [3] — он решил записать гитарные дуэты, причем в каждой паре у него был новый партнер. Никакой партитуры не было, все строилось на импровизации, именно это обстоятельство меня и привлекло больше всего. Какой же это восторг — играть импровизацию на заданную тему! Наша пара играла полчаса на репетиции — всего одна репетиция! — и потом восемь с половиной минут в студии во время записи. Какое наслаждение! Правда, рядом с Эткинсом будет звучать даже топорище, но дело не в этом, вернее, не только в этом. Я многому научился за эти тридцать восемь с половиной минут, может быть, даже большему, чем за всю предыдущую жизнь. Какие после этого могут быть рассуждения

---

[1] *«Ровесник» писал об этом в № 6 за 1986 год. В песне «Рожденный в США» рассказывается о парне, отправленном воевать во Вьетнам и вернувшемся домой с искалеченной душой. Американская пропаганда истолковала эту песню как гимн ура-патриотизму. Рэмбо, «Ровесник» писал о нем в № 5 за 1986 год,— герой кинобоевиков, супермен, убивавший «красных» во Вьетнаме и продолжающий убивать «врагов Америки» во всем мире.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *О Би Би Кинге «Ровесник» писал в № 8 за 1979 год.*

[3] *Знаменитый американский джазовый гитарист.*

о том, кто лучший гитарист, а кто хуже! А если хуже, то насколько? И как вы все это умудряетесь определять?!

— У вас бывало, что после выпуска какого-нибудь альбома начинали крутиться мысли типа: «Хорошо бы все переделать!»?

— Так бывает после каждого альбома. А что вас удивляет? Ни один из наших альбомов не удовлетворяет меня ни как автора, ни как музыканта. Знаете, самая хорошая музыка рождается, когда ты сидишь один, ни клочка нотной бумаги, все звукооператоры как повымерли — ты тихонько перебираешь струны, и вдруг... Оно, то самое... Или как в случае с Эткинсом...

Я вообще не люблю слушать пластинки, ни чужие, ни в особенности свои. Предпочитаю магнитофон: когда я слушаю запись, мне легче абстрагироваться... Не знаю, как точнее объяснить: видимо, вообще весь этот ажиотаж вокруг пластинок связан не с самими пластинками, а с тем, как они делаются,— звезды, продюсеры, интриги и тому подобное. Это накладывает отпечаток на восприятие музыки. Чем слушать пластинку с такими мыслями, я лучше пойду в самую глухую дыру и отдам свои уши на растерзание четырем-пяти юным варварам, которые высекают искры из мрачной аудитории где-нибудь в местном пабе. По-моему, это честнее, хоть и качеством хуже.

— Пресса сообщает, что вы одержимы работой, что вы лишаете себя элементарных человеческих радостей. И все же когда выдается свободное время?..

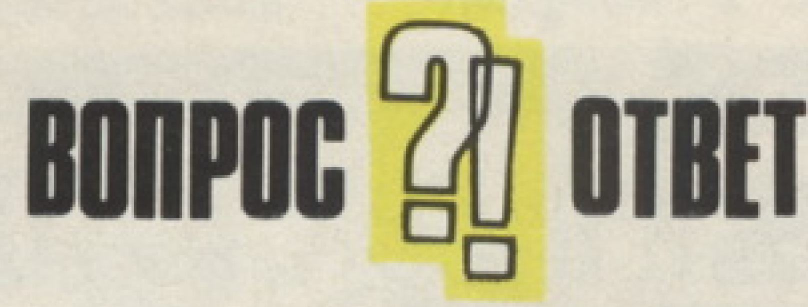
— Я такой же, как все, я самый обыкновенный. И люблю я то же самое, что другие. Люблю хорошо поесть и понежиться утром в постели, люблю смотреть телевизор, особенно спортивные передачи. Вообще люблю смотреть на то, что красиво — от красивых картин до красивых женщин. Иногда, глядя в зеркало, люблю сам себе показать язык.

Но нет времени. И не только на это — порой некогда сменить перегоревшую лампочку в коридоре, так и спотыкаешься впотьмах. И еще я ужасно ленивый. Где-то внутри. И вот когда наступает блаженный миг счастья — последний раз это было, м-м, года два назад — и ты наконец довольный и томный валяешься на диване и тупо наблюдаешь за сложными перемещениями жены вокруг пылесоса, то самый близкий тебе человек вышвыривает тебя с дивана и начинает идиотскую уборку. Как любой нормальный мужчина, я тут же удираю из дома, и угадайте, куда иду? Ну, конечно, в студию. Кстати, именно так и было положено начало альбому «Братья по оружию»: мы все женаты, а жены, наверное, договорились одновременно включить пылесосы.

— Как вы представляете свое будущее лет так через двадцать?

— Если повезет, то, может быть, я и не сойду к тому времени со сцены. Хотелось бы. Я был бы не против поиграть в небольших клубах, колледжах, как в самом начале. Там теснее связь с публикой. Может быть, я напишу такую вещь, что музыкальные критики промолчат, а все почувствуют, что это молчание от переполненности. Я хочу стать свидетелем молчания критики в мой адрес, такого молчания... ■

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ



...Особенно меня увлекают рассказы о различных стилях рок-музыки, в частности реггей... Назовите рок-группы, которые сейчас (1985, 1986 гг.) поют в этом стиле.

И. Банарцев, г. Чебоксары

Напомним, что об истории музыки реггей «Ровесник» рассказывал в № 1 за 1982 год. Сейчас в этом стиле играют многие ансамбли и исполнители. Среди ямайских стоит отметить в первую очередь «ветеранов» реггей Питера Тоша, Банни Уэйлера. Как известно, эта музыка приобрела большую популярность и в Великобритании. Об одном из наиболее интересных ансамблей этого направления «Ю-Би 40» мы рассказывали в № 6 за 1982 год. В составе ансамбля играют и белые и темнокожие музыканты. Среди солистов ямайского происхождения, живущих в Англии, наиболее популярны Грегори Айзекс и очень своеобразный поэт и композитор Линтон Квеси Джонсон («Ровесник» писал о нем в № 1 за 1980 год). Элементы музыки реггей используют в своем творчестве и многие другие рок-группы (например, «Полис», особенно в своем раннем творчестве) — реггей вообще оказал большое влияние на всю поп-музыку в целом. Интересно, что сейчас этот стиль стал популярным в Африке, появилось много талантливых музыкантов, например Альфа Блонди из Сенегала.

Я по-прежнему увлечен хард-роком. Напишите о его ветеране «Грэнд фанк».

О. Лучук, г. Челябинск

Первая пластинка группы «Грэнд фанк рэйлроуд» (название одной из железнодорожных веток в Нью-Йорке) вышла в 1969 году и называлась «Он тайм». По тем временам это был ансамбль выдающийся. В Англии за корону «королей» тяжелого рока боролись «Дип перпл» и «Лед зеппелин», в США такой проблемы не было — группой № 1 был «Грэнд фанк». Гитарист и певец Марк Фарнер, бас-гитарист Мел Шачер, ударник Дон Брюэр были хорошим коллективом. Наиболее зрелая работа (по крайней мере так считают многие американские критики) — пластинка 1972 года «Э плюрибус фанк». На этой пластинке не только полностью раскрылись композиторские способности Марка Фарнера, но и тексты песен были вполне зрелые, затрагивающие важные темы (например, песня «Люди, остановим войну»). В 1973 году к группе присоединился органист Крэйг Фрост, они выпустили пластинку «Мы — американский ансамбль», но эта работа, по мнению критиков, оказалась неудачной: ничего нового Крэйг Фрост в группу не привнес, а знаменитый звук гитары Фарнера потихоньку отошел на второй план. Марк Фарнер пробовал начать сольную карьеру, пытался даже дирижировать симфоническим оркестром, но, по-видимому, не очень удачно.

Расскажите, пожалуйста, о творческом пути ансамбля из Великобритании ЭЛО.

А. Ильенко, г. Поставы

Отсчет деятельности этого коллектива начинается с 1972 года. Именно тогда известная английская группа «Мув» («Движение») сменила название на «Электрик лайт оркестра» («Оркестр электрического света»), сокращенно — ЭЛО.

Руководитель группы — полиинструменталист и композитор Джефф Линн. До 1977 года ЭЛО писали и исполняли музыку, которую принято сейчас называть «арт-рок», или «симфо-рок»: для записей альбомов Линн привлекал музыкантов, работающих в классической музыке, и звучание ЭЛО тех лет поражало слушателей богатством и красочностью. Можно отметить альбом «Эльдорадо», вышедший в 1974 году, он и по сей день считается лучшим.

Начиная с 1977 года в музыке группы появляются элементы «диско», а в 1979 году выходит альбом «Открытие», полностью состоящий из композиций в этом стиле.

Эксперименты с диско-музыкой продолжались до 1983 года (одновременно Линн работал в кинематографе). Затем Линн прекратил студийную деятельность и два года работал с Лондонским оркестром камерной музыки, вернувшись к любимой классике.

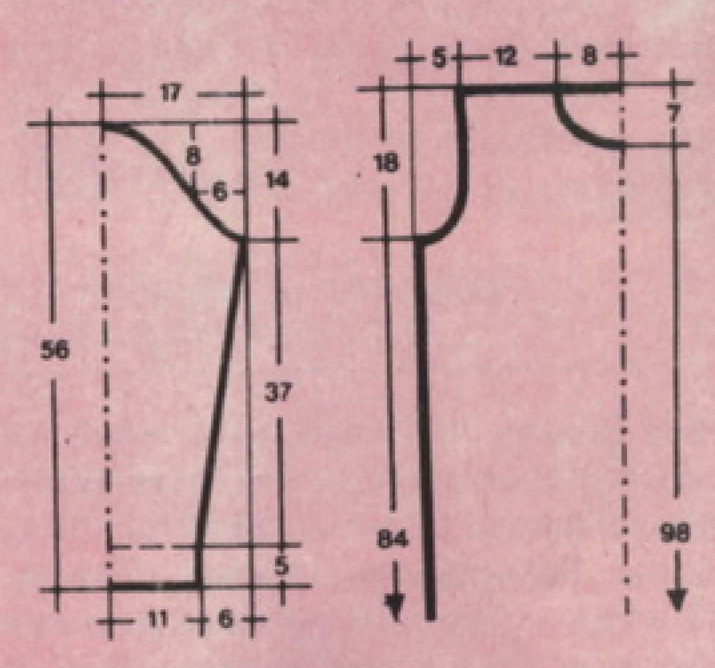
А в начале 1986 года появляется новый альбом ЭЛО «Баланс силы». Перед слушателями предстал прежний «Оркестр электрического света»: музыка приобрела столь недостающую в последние годы мощь и выразительность. Похоже, что ЭЛО наконец разобрались в проблеме стилей и прекратили ломать сущность своей музыки.

Л. БОРИСОВ, С. ЕВГЕНЬЕВ

ВОТ И НАСТАЛИ ХОЛОДНЫЕ ДНИ и долгие вечера, когда вы сможете связать это платье, предлагаемое модельерами ФРГ. Платье прямое, рисунок геометрический. И расход пряжи, и чертеж даны на 44-й размер.

Вам понадобится 850 граммов пряжи — 350 черной и 500 белой. Вязка лицевая; низ манжеты и горловина отделаны пятисантиметровой резинкой 1×1.

Платье будет выглядеть более модным, если вы вставите подплечики.







ОСЕНЬ — сезон яблок. Вот рецепты, которые предлагают французские кулинары. Самый простой: яблоко с сыром, как показано на картинке. Непривычно! Попробуйте, оказывается, это вкусно. А это рецепт многослойного салата по-французски: первый слой — нарежьте кружочками одну крупную луковицу, опустите в кипяток минуты на три, чтобы отбить горечь, потом промойте холодной водой, положите в салатницу, залейте майонезом. Затем мелко рубленное крутое яйцо (тоже залить майонезом), затем на терку — одно яблоко, лучше кислое (сверху снова майонез), и 100 г тертого сыра, опять же — залить майонезом. Украсить по вкусу.

И еще один рецепт — быстрая пицца (настоящая итальянская пицца делается сложнее, об этом мы вам расскажем позже). Разрезать вдоль булочку, вынуть мякиш из середины, отдельно перемешать мелко нарубленные лук, немного чеснока, сосиски, или колбасу, или копчености, добавить томатной пасты, все это положить в булочку, сверху засыпать тертым сыром — и в духовку.





КОСМЕТИКА ДЛЯ ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИХ — с просьбой рассказать о ней к нам обратились читательницы из Тюменской области. Начинаем урок (с помощью чешских и польских косметологов).

I. Не увлекайтесь декоративной косметикой — «разрисованная» юная девушка выглядит смешно. Во-первых, это не модно. Во-вторых, если в пятнадцать лет вы выглядите как тридцатилетняя женщина, то попытайтесь представить себя в тридцать — это уже грустное зрелище.

II. Никаким тоном и гримом дефекты кожи не скрыть, более того, грим их усугубляет. Одна из проблем этого возраста: жирная и нечистая кожа, особенно на лбу и крыльях носа. Простой совет: умывайтесь по утрам и вечерам отваром из овсяных хлопьев или толокном (толокно размешайте с водой, умойтесь, как мылом, затем смойте). Полезно также протирать лицо отваром полевого хвоща: столовую ложку сухой травы залить стаканом холодной воды, кипятить 20 минут, процедить, остудить.

Тем же, у кого кожа сухая, шелушится (особенно в холодные дни), рекомендуем тонизирующий настой: взять по чайной ложке сухих листьев мяты перечной, ромашки, липового цвета, зверобоя, заварить двумя стаканами кипятка, настаивать 30 минут, процедить, добавить столовую ложку одеколона. Протирать лицо настоем по вечерам, затем нанести питательный крем.

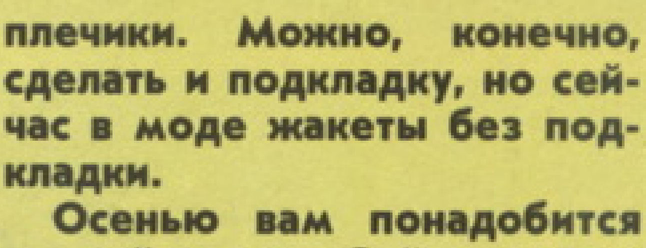






НЕСМОТРЯ НА БЛИЗОСТЬ ОКЕАНА, воздух в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе никак нельзя назвать свежим. Американские специалисты подсчитали, что в одном кубическом сантиметре воздуха этих городов содержится более 120 тысяч пылинок, а если учесть, что человек ежедневно вдыхает более 12 кубических метров такого воздуха, то невеселая получается арифметика! Подсчеты выглядят еще печальнее, если учесть, что муниципалитеты многих американских городов вынуждены были резко снизить расходы на озеленение. А ведь доказано, что миллион деревьев за 20 лет могут очистить воздух от 200 тонн твердых частиц. Поэтому во многих крупных американских городах возникли группы добровольцев «Молодые друзья городских лесов». В Сан-Франциско они за последние пять лет посадили более трех тысяч деревьев, в Лос-Анджелесе — 150 тысяч (за 15 лет). Задача «Молодых друзей» — с помощью денежных пожертвований от частных лиц и различных фирм довести количество деревьев и кустарников до желаемого миллиона.

«ИТАК, Я РЕШИЛ ВЫГЛЯДЕТЬ ПО МОДЕ, — пишет французский журналист в статье о современной мужской одежде.— Я отправился в магазин и купил... двубортный костюм в полоску самого что ни на есть классического покроя. За исключением размера: костюм был специально сшит на шесть номеров больше моего...» Все верно: вещи, как для мужчин, так и для женщин, становятся все более «объемистыми». А те, кто боится выглядеть еще «объемистее», запомните: свободные, просторные наряды как раз скрывают, а не подчеркивают полноту.



Вот такой жакет (на размеры от 44-го до 48-го) предлагают модельеры ГДР. Шить его не очень сложно, и мы уверены, что это под силу даже начинающим. На жакет пойдет 2,70 м ткани (твид, сукно, букле) при ширине 1,40 м — нейтральная серо-коричневая гамма позволит сочетать такой жакет с любыми вещами вашего гардероба.

Для выкройки: масштаб чертежа — 1 квадрат равен 10 кв. см.

1 — перед (серым цветом выделен подборт), 2 — карман, 3 — спинка, 4 — передняя часть рукава, 5 — задняя часть рукава.

Раскроите пиджак, расположив выкройку по долевой нити, прибавьте по 1,5 см на швы и затем соедините выкроенные детали по отмеченным на чертеже точкам. Все наметайте, примерьте и прострочите. Прикрепите плечики. Можно, конечно, сделать и подкладку, но сейчас в моде жакеты без подкладки.

Осенью вам понадобится теплый шарф. Сейчас очень популярны «объемистые», но недлинные шарфы, которые удобно как бы переплетать вокруг шеи. Такой шарф легко сделать из... старого свитера или вязаной кофточки. Отрежьте рукава, аккуратно соедините их, манжеты расположены на концах шарфа. Особенно интересными будут шарфы из рукавов от двух свитеров или кофточек разного цвета — так рекомендует американский журнал «Тин». Но рукава должны быть одинаковыми по фактуре.





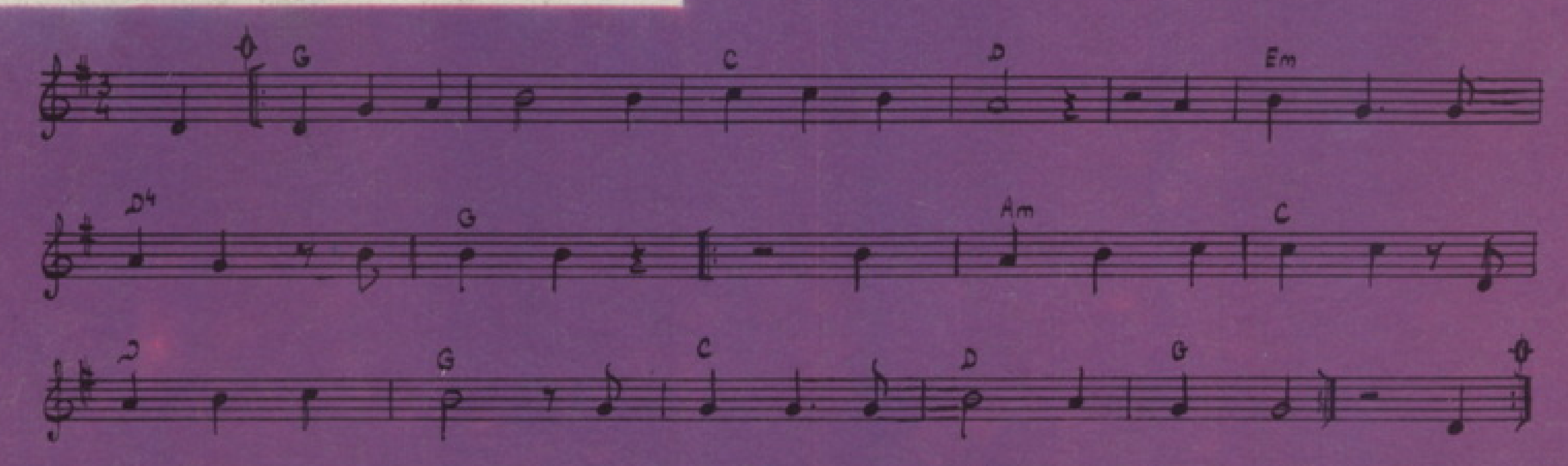
ИЗ КАМНЕЙ И РАКУШЕК, из обкатанных морем стеклышек, веточек, перьев, бусинок — в общем, из всего того, что мы обычно привозим из путешествия «на память», а потом выбрасываем, могут получиться оригинальные украшения. В качестве основы, рекомендует итальянский журнал «Аннабелла», возьмите плоскую пуговицу. Подойдет любой универсальный клей (например, наш отечественный клей «Феникс» или «Момент»). Готовую брошку можно покрыть лаком.



«Я люблю мою страну» — так называется одна из песен в сборнике, которые ежегодно составляются Союзом свободной немецкой молодежи по результатам Международных фестивалей политической песни в Берлине, ГДР. «Я люблю мою страну и мой город, его живой, напряженный ритм. Здесь у меня друзья, здесь я работаю, и так будет всегда. Я люблю мою страну, которая заботится о каждом из нас, о том, чтобы у нас была любовь и был труд, чтобы у нас были успехи. И даже если что-то не ладится у нас, а что-то не получается лично у меня, я все равно отдам все, чтобы моя страна была еще сильнее».

Текст Олафа М е л л е р а, музыка Микаэля З а й д е л я.

1. Ich liebe mein Land, das vielfache Grün,
die Seen, die Wiesen, die Wälder,
die Blüten im Frühjahr, den herbstfrischen Wind,
die vollen, die reifen Felder.
2. Ich liebe mein Land und meine Stadt,
ihr reges und ständiges Treiben.
Hier sind meine Freunde, hier werd ich gebraucht.
So soll es auch weiterhin bleiben.
3. Ich liebe mein Land, die Sorge darum,
ob alles uns auch gelinge,
dass jedes Jahr mit Liebe und Schweiss
uns weiter ein gutes Stück bringe.
4. Und wenn ich mich auch mit alledem
noch lange nicht begnügen werde,
so setz ich doch alles, ja alles daran,
dass niemand es jemals gefährde.



ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. Эта девушка н а п е р в о й с т р а н и ц е о б л о ж к и — боец студенческого строительного отряда — как и тысячи ее подруг была хозяйкой Московского фестиваля, оставившей в памяти его гостей обаяние юности, тепло гостеприимства, оптимизм солидарности в борьбе за лучшее будущее молодого поколения планеты.

Фото Е. СТЕЦКО

В НОМЕРЕ:

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 06.08.86. Подписано в печ. 10.09.86. А08247. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 183.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.